

18+

ЮСУПОВ

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

АННА НОВИКОВА

Анна Новикова

Юсупов. Быть человеком

<https://litres.ru/74395514>

ISBN 9785007109390

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Санкт-Петербург, наши дни. Князь Юсупов слабеет на глазах. Вампирские силы иссякают по неведомой причине, уступая место человеческим недугам — аллергии, несварению и галлюцинациям. Тем временем, в городе ожидается большой съезд охотников на вампиров, в числе которых — некий давний знакомый. Софья же устала от этих разборок и хочет просто пожить. Удастся ли героям перезапустить вампиризм Юсупова и узнать главную тайну его происхождения?

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Неудобные вопросы	11
Глава 2. Знакомство с мамой	30
Глава 3. Сущее наказание	46
Глава 4. Гости из прошлого	66
Глава 5. Скелет из шкафа выпал	87
Глава 6. Покойся с миром, брат	106
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Юсупов

Быть человеком

Анна Новикова

Дизайнер обложки Анна Новикова

© Анна Новикова, 2026

© Анна Новикова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-0939-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

— Го-о-рько! Го-о-рько! Го-о-рько! У-у-у!

Звенят бокалы, горячительные напитки оставляют темные пятна на скатерти. Свадебный торт изрядно подъели. Теперь он напоминает отколовшийся кусок айсберга, который вот-вот отправится в свободное плавание или полет. Особенно если гости не умерят пыл во время танцев и вот таких импульсивных тостов. Несмотря на это молодожены целуются уже в шестнадцатый или девятнадцатый раз. И с каждым тостом побивают собственный рекорд. Язык может от такого не отвалится, а вот губы точно распухнут. Жених и вовсе расстарался, разве что челюсть себе не вывихнул. А некоторые гости заскучали, выпили бокал, не дожидаясь очередного рекорда.

Серафима вышла замуж. Да в какой день — двадцать пятого декабря. Та хоть и не католичка, но нашла эту дату особенной. Мол, между двумя сакральными праздниками — зимнем солнцестоянием и Новым годом. К тому же какая-то гадалка раскладом на таро подтвердила, будто день самый что ни на есть подходящий для такого праздника. И Софья догадывается, кто сия особа.

Нет-нет, за подругу Софья, конечно, рада. Пусть у той и закрутилось вихрем, однако в своем выборе не сомневается. Сами подумайте, голубки познакомились летом во время

подготовки к заплыву на сапах. Серафима быстро нашла общий язык с загорелым и мускулистым инструктором. Да так быстро, что уже в сентябре перебралась к нему жить. В октябре получила предложение. И вот в конце декабря гуляет на собственной свадьбе.

Признаться, Софья поняла подругу. Игорь — новоявленный жених — настолько хорош собой, что сгодится для обложек современных порнушных романов. Серафима подтвердила — не только для обложек, но и для содержания. Только без романтизации абьюза и всякого криминала.

Меньше чем за полгода влюбленные настолько сошлись по всем параметрам, будто всю жизнь вместе. С большим отличием от пар, которые действительно насчитывают годы, у Серафимы с Игорем каждый день счастья в глазах лишь прибавляется. Впереди еще медовый месяц, который аккурат выпадает на рождественские гуляния. Укатят в тур по Европе. Серафима в экстазе сыпала названиями городов и грядущими развлечениями, из которых Софья запомнила разве что пару-тройку. Глядя на молодоженов, не хочешь, а залюбуешься и поверишь — не только медовый месяц, а вообще все последующие годы проживут душа в душу.

На счет тридцать марафон поцелуев наконец прекратился. Бокалы звякнули еще несколько раз. Ведущий предложил короткий перерыв. Гости поплелись на свежий воздух под фоновую *We wish you a merry Christmas* в рок-обработке.

Софья стянула туфли и с облегчением растеклась на сту-

ле. Ее шеи коснулись теплые руки, соблазнительно разминая одеревеневшие мышцы после двух предыдущих ночей, в которые пришлось доделывать-доклеивать-доупаковывать всякое. Из груди вырвалось невольное урчание. По коже пронеслись приятные мурашки.

— Осторожно, — промурлыкал мужской голос над ухом, — не то отнесу тебя на брачное ложе, не спросив молодоженов.

— Даже если так, я усну в полете до подушки, — едва ворочая языком, ответила Софья.

— Тогда тебя ждет фееричное пробуждение от оргазма как на прошлой неделе.

Что там было на прошлой неделе, не особо помнится. Оно и понятно, подготовка к свадьбе лучшей подруги заняло все внимание и время. Выспаться не всегда удавалось — какой там секс? Будто в ответ на эти мысли, прикосновения стали настойчивее. Пальцы сдавили шею сильнее, чем нужно. По телу пронеслась знакомая истома.

— Да чтоб тебя... — проворчала Софья.

Хватка на шее ослабла. Ножки стула загудели по полу, осыпанному конфетти. Напротив уселся мсье Юсупов, как всегда довольный собой. Сверкнул серыми глазами, самым изящным движением плеснул шампанского и протянул Софье. Та бессильно помотала головой. Князь пожал плечами и разом выпил полбокала.

Вот уже два с лишним года у них не то недолюбовь, не то

передружба. А как тут по-нормальному, когда она — упрямая и своенравная журналистка, а он — вампир с невыносимым характером и парой сотней лет за плечами? Вдвоем они успели пораздражать друг друга, попасть в передраги с другими вампирами, коих приумножилось в жизни Софьи после знакомства с Его Светлостью. С тем же успехом вылезли из этих передраг, пребывая на писялочку от смерти и/или от посещения санатория с войлочными стенами. Хотя насчет санатория терзают сомнения. Порой как задумается обо всем пережитом за эти пару лет, так невольно возникнет мысль, что все — плод ее воображения. И она на самом деле давно отъехала кукухой. Лежит овощем в палате под капельницей или сильнейшими нейролептиками. Иначе чем еще объяснить ее нездоровое влечение к водовороту приключений, коими вышеупомянутый вампир снабжает с завидной периодичностью?

Сам же Юсупов вам известен как тот самый организатор убийства Распутина, имеет не совсем ту биографию из материалов википедии. Да и вампир он не совсем романтично-киношный. Из стандартного — пьет кровь. В остальном все по-человечески: спит в мягчайшей постели, ест обычную еду, не брезгуя чесноком, даже бизнес ведет — выпускает глянцевого журнала «Петербургский сноб». Из необычного — каким-то чудом видит эмоции. Отчего наверняка знает мотивы любого собеседника — хрена с два обведешь его вокруг пальца.

За окном полыхнула вспышка, следом бахнуло. Разноцветные огни осветили блеклое питерское небо и нездоровую бледность кожи Юсупова. Сине-зеленые переливы сменились ярко-оранжевыми и малиновыми, поблескивая на его светлых волосах с новомодной укладкой. На дорожащих кольцах и часах, что украшают его руки. На атласной рубашке, что подчеркивает его отличный вкус и фигуру, чего уж душой кривить?

Бах! Бах! Ба-бах! Виууу!

Салют сопровождается громкой музыкой и возгласами гостей. У Софьи нет сил присесть ближе к окну. Оперлась на ладонь и склонила голову вправо.

— Твоих рук дело? — спросила она вялым тоном.

— Я договорился с Дедом Морозом соблюсти все правила пожарной безопасности, — ответил Юсупов.

На это Софья лишь угукнула и вздохнула, уже не борясь с усталостью.

— Мне сон приснился, — добавил Юсупов. — В нем ты кричала и нещадно била меня по щекам.

Софья вскинула голову и нахмурилась.

— Ты же говорил, что вампиры не видят снов.

— Говорил.

— И... это что — новый этап вампирской эволюции?

— Возможно. Хотя куда мне эволюционировать? Я и так совершен, — сказал он и допил шампанское. — А возможно мне показалось.

— Показалось? Не верю своим ушам! Первый сон спустя два века после обращения, а теперь еще и «показалось»? Князь в себе сомневаться изволит? Глядишь, так и зубы заболят — совсем человеком станешь.

Юсупов отставил бокал, обхватил ладони Софьи. Поочередно поцеловал то одну, то другую и сказал самым елейным тоном:

— Мне так лестно твое беспокойство. Всегда знал, что тебя заводят мои клыки и вечно молодое тело.

На это Софья лишь фыркнула. Юсупов усадил ее себе на колени и зашептал скабрёзности на ухо. Перед глазами замелькали вспышки, но не от эмоций, а от салюта. В жизни князя уже был период, когда вампирские особенности барахлили. И ему это доставило немало хлопот. Но хуже всего — зуб у него и правда ноет. Четвертый день подряд.

Глава 1. Неудобные вопросы

Что-то пошло не так.

Юсупов разлепил один глаз и покосился на светящийся циферблат электронных часов — еще семи утра нет. Темень как глубокой ночью. Дождевые капли настырно отбивают рваный ритм по карнизу. До Нового года — считанные дни, а вместо снега то дристь, то снеждь.

Со свадебных гуляний вернулись в четвертом часу утра. Пока ваннные процедуры, пока предварительные ласки — вот и начало пятого. Софья без сил свернулась калачиком и засопела. Что ж, сегодня без секса. Князь поправил одеяло, прижался к ее теплomu и гибкому телу. Готовился провалиться в приятное забытие, однако сон все не шел и не шел. Такое не в новинку после шумных вечеринок. В голове гудит от музыки, разговоров и смеха. Но хуже всего — ноющий зуб. Юсупов поворачивал языком, ощупывая предателя. Зуб как зуб, десна как десна. Подозрительной припухлости не чувствует-ся. Ни скола, ни кариеса, раз уж на то пошло. Сколько себя помнит, князь вообще никогда не страдал зубами. По молодости еще в человеческом обличье регулярно проверялся у дантиста. А уже ввиду обращения последнее, о чем доводилось думать, так это — здоровье зубов.

Софья периодически затравливает вопросами о физиологии кровососущих. А если выдернуть клыки, отрастут новые

или вампир умрет от голода? А если тому выстрелить в голову, все поврежденные отделы мозга восстановятся чин чинарем или какие отклонения проявятся? Способен ли вампир утонуть или задохнуться под землей?

Обычно князь отшучивается, отмахивается или на ходу придумывает ответы, которые Софья принимает за чистую монету. Спустя несколько дней все повторяется с новыми вопросами, корректировками, несостыковками и возгласами «Ты мне наврал? Я же всерьез спрашивала!». А Юсупову порой и правда нечего ответить. Ну не существует отдельной касты сертифицированных медиков, специализирующихся на вампирских недугах. Да и самих недугов-то нет. Но зуб-то ноет! Вот и теряйся в догадках — не то возраст даст о себе знать, хотя есть вампиры лет на сто пятьдесят-двести старше. Не то нехватка витаминов — тьфу ты! Аж самому тошно от этой мысли. Пришел вампир к стоматологу — уже звучит как нелепый анекдот. А пришел вампир в аптеку в поисках БАДов — и вовсе дешевый сюр.

Юсупов поерзал, побряхтел и поплелся в кухню. Клацнул дверцей холодильника, отвинтил крышку термоса и налил крови в стакан на два пальца. Подумал, плеснул еще столько же. Выпил залпом и прислушался к ощущениям. Привычная теплая волна растеклась по телу, зажигая фитилек в каждой клеточке. Довольный результатом, князь вернулся в постель и не заметил, как заснул.

А теперь вот проснулся ни свет, ни заря. Не прошло и трех

часов после выпитой дозы, но в теле больше нет прежней энергичности. И этот треклятый зуб...

Князь покосился на мирно спящую рядом Софью. Кажется, она даже не сменила позу за это время. Длинные светлые локоны рассыпались по подушке и пахнут чем-то цветочным. Тусклый свет фонарей, что льется из окна, подчеркивает соблазнительный контур шеи и ключиц. Фантазия забурлила-заискрилась. Сегодня выходной, спешить некуда. Успеют они еще выспаться.

Юсупов заскользил руками по телу Софьи, попутно осыпая поцелуями. О, этот особый кайф видеть вспышки возбуждения на грани сна и яви. Обычно они похожи на вышеупомянутый фейерверк. Иногда подобны взрывам с буйством всех оттенков багрового и фиолетового. Но сейчас что-то пошло не так. Возможно Софья настолько вымоталась, что ее попросту не торкает. А возможно способность видеть эмоции опять дала сбой. Юсупов отогнал эту мысль и продолжил вырисовывать языком иероглифы на красивом женском рельефе.

Софья что-то пробурчала сквозь сон, но на ласки отозвалась. Выгнулась как кошка, подалась навстречу и после нехитрой манипуляции застонала.

— Утренний секс такой сладкий и такой хаотичный. Заряжает на весь день, — прошептал Юсупов.

А когда оба вошли в раж, и до финиша осталось немного, князь мысленно укорил себя за слово «хаотичный». Если бы

тело было мемом, оно бы показало средний палец.

Не смог.

Юсупов и сам не поверил в происходящее. Что за шутки? Да еще вот так незадолго до экстаза?!

Чтобы не прослыть эгоистом, да и попросту не опростоволоситься, применил остальной арсенал. Довел-таки Софью до протяжного «аааааах». Напоследок прошелся поцелуями вдоль шеи, вызвав усталое «ну все, отстань». И *почти* довольный собой накинул халат, вышел на балкон. Чиркнул зажигалкой, сделал первую затяжку и... что за? Закашлялся. Юсупов курит сколько себя помнит. Бросает каждые лет пятнадцать-двадцать, чтобы потом вернуться и испытать разочарование — вкус как был гадким, так и остался. Но чтобы безупречное вампирское тело отреагировало на дым, как легкие чахоточного гимназиста? Это как прикажете называть?

Из глаз брызнули слезы, легкие огнем горят, а горло будто клещами сдавило. С трудом откашлявшись, потушил сигарету и уселся в плетеное кресло. Если это старость, он еще готов смириться. Но если это неведомая болезнь, он выведает о ней все. Окружит себя лучшими светильниками науки, создаст спецотделение в медицине по вампирским патологиям. Да хоть собственноручно диссертацию выпустит, но просто так не сда...

Гхук! Гхук-гхук!

Юсупов согнулся пополам и прижал кулак ко рту. От гру-

ди до горла будто ежик катается туда-сюда — ни выплюнуть, ни проглотить. С трудом продышался, медленно распрямился и обратил взор на дождевые потеки по стеклам. Вдох-выдох, вдох-выдох. А чего он паникует? Сейчас бахнет еще бокальчик крови из термоса. Выспится в объятиях горячей женщины. И все как рукой снимет. Подумаешь, не смог — раз в год и палка стреляет... А черт, неудачный эпитет подобрал.

Плетеное кресло затрещало. Снова клацнула дверца холодильника. Князь повторил процедуру с кровью. Проинспектировал волну мурашек вдоль спины. И снова *почти* довольный собой, нырнул под одеяло. Мысленно пообещал себе после пробуждения сделать пару-тройку звонков давним приятелям, а там и охотников поспросить не помешает. Сознание заволокло марево глубокого сна. Дождевые капли продолжили отбивать ломаный ритм по карнизу.

Запах гниющей плоти валит с ног и вызывает рвотные позывы. Юсупов поскользнулся на чьей-то оторванной руке и едва удержал равновесие. Сапоги натирают мозоли. Каждый шаг отдает болью, будто мясо на щиколотке разодрано до кости.

Пороховой дым застилает глаза, щекочет горло, не дает и секунду вдохнуть. Гхук! Гхук-гхук!

Пули свистят над головой, чудом не задевая Юсупова. А он все шагает и шагает с ружьем наперевес. Командир батальона дал команду «Примкнуть штыки» и идти на врага до последней капли крови, до последнего вздоха. Кровью пропитана земля, одежда, волосы, а вот дышать совершенно нечем. Гхук-гхук!

Баммм! Взрыв оглушил. Юсупов оступился всего на миг, как на него повалилось чье-то тело. Затем еще и еще одно... Дышать!..

Юсупов открыл глаза и не сразу сообразил, что к чему. За дверью раздаются тихие шаги Софьи и шуршание пакетов. На часах — половина третьего. В спальне сумрачно, за окном — метель с крупными хлопьями снега. Неужто Новый год отметят не на слякотной лужайке, а среди сугробов? Ну хотя бы по щиколотку.

Князь привел себя в порядок и нарисовался на кухне. Софья что-то разогревает в микроволновке. На плите закипает кофе в турке. Кофе-машину эта женщина напрочь игнорирует. Находит в процессе традиционной варки что-то сакральное. Сколько раз в этом сакрале напиток переливался через край турки, а прогорклый запах заполнял кухню, считать уже не приходится. Воевать с этой женщиной — себе дороже.

— Извини, я громко хлопнула дверью, когда встретила курьера, — сказала Софья.

Так вот что громыхнуло на границе сна и яви, догадался Юсупов.

— Я уже не спал, — отмахнулся тот и чмокнул ее в шею.
— Что ты заказала?

Пообедали овощами на гриле, запеченной курицей в соусе карри и парой салатов без майонеза. Запили двумя чашками кофе. Пришлось варить еще, так как в холодильнике обнаружился шмат свадебного торта. Окончив с вкусовостями, развалились на стульях. Юсупов включил вытяжку и поднес к губам электронную сигарету с виноградным вкусом. Не потому, что хотелось, а чтобы проверить реакцию организма. Пока полет нормальный — ни тошноты, ни кашля.

— Ты стонал во сне, — подала голос Софья.

— Дорогая, ты тоже стонала. Только это был отнюдь не сон, — парировал Юсупов.

— А еще ты вроде кашлял.

— Это все твои волосы, оставленные на подушке, так и норовили пощекотать мне горло.

Софья фыркнула и допила кофе. Донимать расспросами не стала. Рассказала лишь, что молодожены уже в пути до Москвы. Оттуда и полетят в медовый месяц по Европе.

— Ты помнишь свой медовый месяц? — спросила она.

— Ага, мы с Ириной тоже отправились в тур по Европе. Рим, Париж, Лондон — все по классике.

— Всем бы такую классику...

— Тогда это потеряет свою ценность. Да и не всем нужна

эта Европа.

— Почему ты больше не женился?

Юсупов сделал последнюю затяжку и пожал плечами.

— Не видел смысла.

— Почему ты умер раньше Ирины? — не унимается Софья.

Неприятный холодок коснулся затылка. По официальным данным князь Феликс Юсупов скончался в 1967 году в возрасте восьмидесяти лет в Париже. Его супруга, Ирина Романова, она же, племянница Николая Второго, умерла двумя годами позже. Они делят одну могилу на пятерых — вместе с матушкой Зинаидой Николаевной, дочерью Ириной и ее супругом, графом Шереметевым.

Юсупов стиснул зубы и помедлил с ответом:

— Так нужно было.

— Кому?

Мда, глупо полагать, что такой ответ удовлетворит назойливую журналистку.

— Нужно и все, — сказал князь тоном, которым прощается с операторами холодных звонков из банков.

Глаза Софьи сверкнули упрямством. Ну вот сейчас опять полезет со своим любопытством, куда не просят. Однако озвучила другое:

— Чем ты занимался после смерти?

Юсупов мысленно выдохнул, расслабил плечи и ответил:

— Уехал в Японию. Научился кататься на мотоцикле.

Освоил кое-какие боевые навыки и познал новшества в искусстве плотской любви. Наладил контакты с местной мафией, что позволило мне приумножить капиталы. Хотел посетить Австралию, но в СССР началась перестройка. Чутье подсказывало, не сегодня завтра от советов останется пепел, из которого восстанет новая Россия. С некими оговорками так и произошло. Уже ничего не препятствовало возвращению к родным березкам и елочкам. В девяностые пригодились мои навыки дипломатии, боевых искусств и любовных в том числе. Тогда же произошло мое знакомство с Изабеллой Давыдовой.

На этом имени внутри завязался тугой узелок. Изабелла Давыдовна — сильнейшая женщина из всех, с кем Юсупову посчастливилось иметь дело. Сильнейшая и добрейшая. А еще она тридцать лет управляла кланом охотников на вампиров города. И к глубочайшей скорби Его Светлости почил полгода назад. Горевал Юсупов сильно, хоть и не выказывал чувств. В сей прекрасной владычице сошлись пламенная натура, ледяное самообладание, стальная сила духа, мягчайшее добродушие и природное обаяние. Никто никогда не смог устоять или возразить Изабелле Давыдовне. Клан хранил ей верность и преданность как единственной матери. Сам же князь не всегда был у нее на хорошем счету. Однако любил ее самой искренней любовью и любит по сей день, даже после смерти.

Софья подперла щеку, вздернула брови и сказала:

— Мы уже три года куролесим, а я ни черта о тебе не знаю.

Японская мафия, боевые искусства, мотоциклы — серьезно?

— Если хочешь, по весне обязательно прокачу.

— У тебя есть мотоцикл?

— Есть. Но мы можем не дожидаться открытия сезона и начать прямо сейчас. К тому же, тебе не впервой быть наездницей.

Бенгальский огонек предвкушения загорелся в эмоциональном фоне Софьи. На лице замаячила улыбка. Еще фраза-другая, и Юсупов обеспечит достойное продолжение банкета. Да и за утреннюю оплошность неплохо самому себе взять реванш.

— Спасибо, ваше княже, но мне нужно отснять пару интеграций для блога. В предсвадебной суете не до того было, а сейчас уже откладывать некуда, — ответила Софья и поднялась с места.

Наклонилась для поцелуя, с большим трудом сдержалась под натиском ласк Юсупова и пошла переодеваться.

— Я вызову тебе такси, — сказал князь.

Попрощавшись с Софьей, Его Светлость начал ревизию.

Исходные данные: двести плюс лет жизни, несколько неудачных смертей и столько же удачных воскрешений, ни единой болезни или даже похмелья.

Что сейчас: беспричинный кашель, нестабильная способ-

ность видеть эмоции, воскресшая способность видеть сны, чертов ноющий зуб и оказия в постели. Хотя последнюю можно отнести к набору редчайших исключений. Рано еще считать это гнусной закономерностью.

Насчет кашля, к сожалению, не так гладко. Погрузиться в саморефлексию князь решил с сигаретой на балконе в том же плетеном кресле. Однако после первой затяжки, как и утром, сложился пополам. Будто он — школьник, а сигарета — набор древесных опилок, что гнили в углу свинарника. Чтобы избавиться от тошнотворного послевкусия, дважды прополоскал рот жидкостью с ментолом. Но и тут беда — ноющий зуб выпустил разряд боли. Из груди вырвался стон. Юсупов оперся на раковину, отдышался и долго-долго разглядывал в зеркале свой рот. И ничего! Вот хоть тресни — ни воспаления, ни маломальского налета. Но боль-то есть! И с каждым днем доставляет все больше неудобств.

Вызвал мысленную команду и понаблюдал, как вытянулись клыки. Затем проделал обратную манипуляцию. Ну хоть здесь без сбоев. *Пока.*

Вот будет потеха, когда клыки откажутся вырастать. Не сказать, что они так уж пригождаются в современности. Все же кровь князь получает бесперебойно. Нет необходимости выходить на архаичную охоту, да и заварушек, когда нужно отбиваться в том числе клыками, с ним давно не случалось. Не считая бойни полгода назад, после которой Изабелла Давыдовна и ушла на тот свет.

От внепланового осмотра отвлекла телефонная трель. Высветился незнакомый номер. Мужской голос настаивал на встрече с кланом для обсуждения главного вопроса.

— Я уже говорил, что не намерен участвовать в ваших выборах и уж тем более поздравлять с назначением на должность главы клана, — отрезал Юсупов, разглядывая ногти.

— Вы не поняли, — прозвучало на том конце провода, — это не просьба и не предложение. Это приказ.

— Нет, это вы не поняли. Приказывать мне не уполномочен никто. Даже Изабелла Давыдовна, светлая ей память, себе такого не позволяла. Вам бы у нее поучиться искусству вести переговоры с тем, кто вам не по зубам.

— Зря вы так, Феликс. Не в том вы положении, чтобы отнекиваться. Перестановка сил уже состоялась. Не придете сами — придут за вами. Или за теми, кто вам дорог. Прибегите как...

— Не вы первый, не вы последний, — ответил Юсупов таким тоном, от которого телефон в руке собеседника должен покрыться инеем. — Да будет вам известно, если бы мне платили за каждую угрозу, я был бы богаче Илона Маска. Включите фантазию, что стало с теми, кто говорит мне такие вещи. Однако я все еще жив, а таких, как вы, напрочь стирают из истории.

На сим князь сбросил звонок. Как же достали эти охотники!

По Изабелле Давыдовне не успели сорок дней помянуть,

как начали грызню за ее место. По слухам, владычица заранее готовила себе преемника, однако тот не объявился. Не то с ним случилось что, не то его и вовсе не существует в природе.

За прошедшие полгода таких звонков Юсупов получил десятки. Скулеж, нытье, неуместное торгашество перемежалось угрозами — и так по кругу. Схожие истории случаются сплошь и рядом по всей Расее-матушке. В каждом регионе нет-нет, а меняется охотничья власть. Ввиду естественных причин или революционных переворотов. Но все эти тридцать лет, что правила Изабелла Давыдовна, истории случались где-то там. А теперь вот — прямо здесь, в Петербурге. Охотники разве что прямым комом на балкон не запрыгивают или навряд ли голубей в окошко не стучат.

С одной стороны, стоит отдать им должное — Юсупова воспринимают всерьез. Не зря ж владычица все годы своего правления держала того подле себя. Попеременно — на хорошем или на плохом счету. И сейчас по примеру Изабеллы Давыдовны охотники зазывают на свое «учредительное собрание».

С другой стороны, за вышеупомянутые полгода мужские голоса в телефонной трубке менялись словно ролики в тиктоке. А значит, нет смысла выказывать поддержку кому-либо. Да и вряд ли имеется достойный кандидат на замену Изабеллы Давыдовны. Таких, как она, больше нет.

А если совсем серьезно, Юсупов намерен прекратить лю-

бые контакты с охотниками. Он никому не мешает, договор не нарушает. Остальное его не касается. Отныне он не будет впрягаться ни за охотников, ни за сородичей. Он сам по себе. Есть же подобные вольные вампиры. Отчего бы ему не пополнить их ряды?

Да и нашли тоже время — канун Нового года. Им бы салаты с женами нарезать, да за банкой зеленого горошка в очередях на кассе стоять. Мда, без справедливых оплеух Изабеллы Давыдовны клану не продержаться. Как еще за полгода не перестреляли друг друга?

Раздраженный такой мелочью, Юсупов снова вышел на балкон. Повертел в руках пачку сигарет, но закурить не решился. Повдыхал сырой воздух. С неба опять капает настырный дождь. От утреннего снега почти ничего не осталось. Собачники вывели питомцев на прогулку по жухлой траве и слякоти. Серую обыденность не скрашивают даже новогодние убранства города. Праздничного настроения тоже нет.

Юсупов вспомнил, что намеревался позвонить паре приятелей из числа тех, кому за триста. Может полунамеками выяснит, не случилось ли с ними подобного кризиса идентичности. С этими мыслями в последний раз взглянул на пачку сигарет и выбросил ее в мусорное ведро.

Покончив с рабочими съемками для блога, Софья выключила кольцевую лампу и отставила штатив в угол комнаты.

Окинула взглядом квартиру, из которой планировала съехать уже несколько раз за уходящий год. Она подыскивала эту двушку ввиду совместной жизни с Владом. Тем самым Владом, который чудом появился в ее жизни. Привнес бескорыстной заботы и самой простой романтики. Вручил помолвочное кольцо, а после одного разговора с мсье Юсуповым испарился без объяснений.

Как ни пыталась Софья Его Светлость, тот ни в чем не сознался. Только язвил в духе: «твой бывший отсутствовал в день, когда Бог раздавал клетки мозга» или «твой бывший — редкий экспонат в музее Нелепых Мужских Поступков». В итоге Софья плюнула на эту затею. С Юсуповым они продолжили свою передружку с поночевками друг у друга, оригинальными свиданиями, совместными поездками, куда навигатор заведет. Князь не приглашает перебраться к нему на постоянку, так как знает, что услышит отказ. Софья слишком нуждается в личном пространстве. Хотя оба понимают, она боится втюхаться по уши в того, кто не стареет уже пару веков.

Договор аренды на нынешнюю двушку закончился в сентябре. Но ввиду тогдашних приключений Софье тупо было не до поиска квартиры поменьше. Потому продлила договор еще на одиннадцать месяцев, о чем сейчас пожалела. Не столько из-за денег — их она зарабатывает очень даже хорошо — сколько из-за пустоты. В однушке пространство занимали вещи, в двушке — Софья с Владом вместе. Сейчас

Влад хрен пойми где, вещей не так уж и много. Даже елку ставить не хочется. Одной комнаты для всех нужд молодой незамужней и бездетной девушки вполне хватает. К тому же, неплохо бы и свое жилье заиметь. Та еще морока...

В ходе размышлений Софья твердо решила с Нового года озаботиться жилищной программой. Изучить все расценки, свести дебет с кредитом, заиметь доп источники дохода, чтобы уже к лету запустить план-ураган «маленькая, зато своя».

Под новогодний плейлист зашуршали бумажки, мусорные пакеты, накопившиеся коробки, тюбики, флакончики, стремные сувениры. Одним словом, генеральная зачистка отжившего свое. С полок посыпались книги, фотографии в рамках и открытки. Те самые, в винтажном стиле с неизменной подписью «Ваш Д.». Софья вздохнула, просматривая каждую и вспоминая зеленые глаза Дмитрия Павловича. Великого князя, давнего друга Юсупова и ее друга. Как кадры киноленты в голове возникли образы с первой встречи во дворе у Маяковской библиотеки, прогулка в Царском Селе, болезненное признание, выстрел в голову, прокушенное запястье, одряхлевшие руки и испещренное морщинами лицо с неизменными ямочками на щеках.

— *Я так по вам скучала.*

— *Я знаю, Софья. Я тоже скучал.*

Оглушающий взрыв и центнеры пролитых слез.

Софья по привычке коснулась тонкого белесого шрама на левом запястье. В глазах защипало. И как Юсупов все это

выносит — потерю близких? Неудивительно, что он *слегка* того.

Смахнув пыль, Софья вернула книги на место и аккуратно расставила несколько открыток. В груди ноет, в горле тугой комок. Тут еще эти новогодние песни не в тему. Едва потянулась к телефону, чтобы переключить трек, как раздался звонок.

— Да, мам, привет.

— Привет, Сонечка, — раздался в трубке мягкий голос, — тут такое дело. Дядь Вова умер сегодня ночью. Какое-то осложнение с легкими. Помнишь, он два года назад сильно болел? Вот аукнулось, видимо.

— Ох, мам, соболезнаю, — ответила Софья, усаживаясь на диван. — Ты сама как?

На том конце провода раздался вздох.

— Да как... все же мой брат. Хотя и общались мы редко... Теть Вика позвонила час назад. Там всей родней к похоронам готовятся. Сама знаешь, сколько их там.

— Ага.

— Я тут подумала, можно я к тебе на праздники приеду? Конечно, перед Новым годом поезда забиты. Но может удастся плацкартом. Хотя на боковой полке.

— Мам, конечно, о чем разговор? Давай лучше самолетом. Поездом же сутки ехать, а на самолете за три часа управишься. В аэропорту я тебя встречу, разумеется.

— На самолете дорого. Особенно перед праздниками.

— Не переживай, мам. Я закажу билеты и пришлю в течение часа.

— Спасибо, доченька, давай, буду ждать. А чего больше взять — теплых и легких вещей?

— Ты летишь в Питер, мам. Надень, что есть. Раздеваться будем по погоде.

Напрочь забыв о генеральной уборке, Софья проштудировала агрегаторы перелетов. Выбрала более-менее сносные рейсы Волгоград-Санкт-Петербург. Прибытие — завтра в 21:20. Поспешно, конечно, но маме собраться недолго. С дядь Вовой они последние лет пятнадцать в натянутых отношениях из-за его беспробудного пристрастия к спиртному. Теть Вика — его жена — уже и кодировала, и к бабкам водила, а все без толку. Видимо, сказалось не осложнение легких... Живут они под Уфой — не таскаться же маме туда на похороны. Всяко лучше с дочкой в Питере Новый год встретить.

Софья откинулась на диване и осмотрелась. Мусорный пакет переполнен, Пизанская башня из коробок подпирает входную дверь. Оставшийся в живых вечнозеленый цветок, название которого вылетело из головы, покрыт вековой пылью. Хорошо, что мама прилетит. В квартире станет теплее. Может и елку нарядят.

Есть только одно жирное «но» — с Юсуповым их знакомить ну никак не хочется. Однако с ним есть договоренность насчет празднования новогодней ночи. Маме же за эти два

года Софья ни словом не обмолвилась насчет Его Светлости.

Глава 2. Знакомство с мамой

Пакеты приятно шуршат, к ногам липнет искусственный снег, комната окрасилась разноцветным сиянием. На пушистой елке блестят шарики разных размеров, фигурки оленей и лошадей, птиц и балерин. Гирлянды мигают на окнах в обеих комнатах и в кухне. На плите под крышкой шкворчат тефтели в томатном соусе. А запах!..

Рейс прибыл без задержек. Софья встретила маму в аэропорту. Обнялись, поцеловались, уселись в такси. По дороге обсудили последние новости и планы на новогодние выходные. Их-то и начали воплощать аккуратно следующим утром. Все по классике — Дворцовая площадь, Исаакиевский с Казанским, Медный Всадник, Стрелка Васильевского. Гигабайты фото и видео, литры авторского кофе и, непременно, крепленного глинтвейна из минибаров на колесах, натяканных вдоль туристических артерий города. Разумеется, Дом Книги (он же Дом Зингера). Правда раскошелились там на неприличную сумму. Цены со скидкой больше походили на цены «с накидкой». По пути домой нахапали пакеты с продуктами — Софье на себя мало приходится готовить, да и в основном доставкой пользуется. С мамой — другое дело! И, конечно, скупили вышеупомянутые гирлянды и елочные украшения. За прогулку намотали 20 000 шагов. А снег-то какой повалил! Ей-богу, погода в Петербурге напоминает

абыюзивные отношения: утром ласкает романтической оттепелью, в обед топит в грязной жиже, а к вечеру хлещет по лицу ледяной метелью, заставляя кутаться в шарф и молить о пощаде. Короткими перебежками между достопримечательностями и магазинами взмокли, как внутри, так и снаружи.

Пока возились с приятными хлопотами, Софья поймала себя на мысли, что именно этого ей и не хватало. Щемящего в груди ощущения домашнего уюта. Рабочие встречи, съемки, беспрестанные поездки туда-сюда, а потом еще помощь с подготовкой свадьбы лучшей подруги — Софья тупо забила на себя и личную жизнь. Биоробот, ей-богу.

А с мамой стало теплее. Прибавилось вещей в шкафу, еды в холодильнике и разговоров по душам до поздней ночи. В свои пятьдесят семь Галина Анатольевна выглядит хоть куда. Мягкие черты лица, ореховые глаза со смешинками-морщинами, каре с легкими локонами, которые уже тронула благородная седина. Неизменная осанка и плавная походка придает нотки аристократизма.

Много лет она работает главным художником-бутафором в Волгоградском театре юного зрителя, вручную создает декорации и оживляет театральных кукол. А еще принимает заказы сложного реквизита для городских фотостудий, ресторанов и квест-румов. Отсюда ее привычка занимать руки: в теплое время года возится на даче, превращая грядки в ландшафтные шедевры, а зимними вечерами по роликам на ютубе тренируется в рукоделии — от плетения мак-

раме-кашпо до стильной упаковки для подарков. Одним словом, творческий огонек горит уверенно. От нее пахнет хорошим кремом для рук, сухой театральной гуашью и лавандовыми духами.

— Можем еще в Кронштадт съездить, — сказала Софья. — Там каждый год организуют выставку ледовых фигур. Да и просто по городу погулять. Его сейчас вон как вылизали — парк отгрохали, набережную причесали, новых музеев пооткрывали.

— Можно, — отозвалась мама. — В Кронштадте мне нравится. Форты еще не открыли?

— Не-а, обещались в этом году открыть «Цитадель», кажется, или «Чумный». Но обещать — не мешки ворочать.

Мама закрепила очередную игрушку и направилась в кухню, продолжая терроризировать сумасшедшими ароматами съестного. Софья принялась складывать коробки все той же Пизанской башней и, конечно, впихивать пакеты в пакеты. За этим шуршанием не сразу расслышала звонок. Не глядя на дисплей, почуяла, кто на том конце провода. Не то, чтобы Софья шарахалась от Его Светлости, но за двое суток не обмолвилась с ним и парой сообщений. Новый год уже послезавтра, пора бы напомнить друг другу, где, куда, в котором часу. И главная переменная, которая Юсупову пока остается неизвестной — мама.

— Да, дорогой, — ответила Софья и скрылась в спальне.

— Ты пахнешь соблазном, а на вкус как грех, — промур-

лыкал Юсупов.

Софья задержала дыхание — умеет этот хлыщ вводить в ступор.

— И тебе привет. Успел соскучиться?

— Не сказать, чтобы очень. Твои волосы в ванной и на постели не дают тебя забыть. Чем занята?

— Да особо ничем. Елку украшаю — прокачиваю чакру новогоднего настроения.

— Ах, Софи, тебе необязательно справляться самостоятельно. Я знаю все твои чакры и всегда готов провести сеанс энергетического массажа с глубоким погружением в медитацию.

— Ты что генерируешь ответы с помощью чата жэпэтэ? Серафиме мужики на сайтах знакомств такую же дичь писали.

В трубке зашуршало, вроде показался сдавленный кашель или шмыганье носом.

— Е-е-е... батюшки-светы! — не сдержалась Софья. — В кои-то веки Его Светлости нечего ответить. У тебя кровь в термосе скисла?

— Я с удовольствием полакомлюсь твоей кровью, — выкрутился Юсупов. — Приедешь сегодня?

— Не могу.

— Предпочитаешь елочные игрушки тем, что хранятся в моей спальне?

— Нет, просто моя елка стоит надежнее.

На этот раз пауза продержалась дольше. Софья поставила очередную галочку в бестолковых спорах с князем. Ну а чего — ему можно, а ей нельзя?

— Соня, все готово! — раздалось из-за двери.

— Кто там у тебя? — спросил Юсупов.

— Никто, — засуетилась Софья.

— И этот никто для тебя что-то приготовил?

— Ага, приготовила... Мама прилетела.

— Мама?

— Да, представь себе, у меня есть мама. И нет, я не хочу вас знакомить.

— Но почему?

— Не хочу и все.

— Я умею вести себя с мамами, — напирал Юсупов. — Можно сказать, я мастер спорта по уходу за мамами.

— Вот именно, — проворчала Софья. — Я не хочу вас знакомить, потому что... потому что...

— ... потому что — что?

— Потому что ты ей точно понравишься.

Самодовольство Его Светлости почувствовалось через телефон. Перед внутренним взором засияла улыбка Юсупова и взгляд цезаря-победителя.

— Что ж, в таком случае я просто обязан организовать семейный ужин, — сказал он. — Какую кухню предпочитает мама? Русскую, грузинскую, может азиатскую?

— Съедобную.

— Как насчет завтра в час дня? Отправлю за вами Константина...

— Пойдем обедать? — сказала мама, заглядывая в спальню.

— Иду, мам, — ответила Софья и протараторила в трубку, — все давай, пока.

Князь отложил телефон и поерзал в плетеном кресле на балконе. Судя по реакции Софьи, ее родительница не в курсе существования Юсупова. Не в курсе их эмоциональных качелей в отношениях. Что ж, это прибавляет пикантности. Он ни капли не соврал и действительно имеет богатый опыт ухаживания за мамами. Может даже похвастаться случаями, когда те оказывались куда более стоворчливее дочерей и отвечали взаимностью с большей прытью. Ах, какое было время...

Юсупов шмыгнул носом и сделал глоток ромашкового чая. С кровью в термосе и впрямь не все гладко. С утра показалось, что она отдает душком. Вылил в раковину без сожалений. Во втором термосе дела с кровью обстоят получше, но пить ее не хочется. Проглотил вполовину меньше обычного. Эффект от нее тоже изменился. Ни тебе огонька в каждой клеточке тела, ни мурашек по спине, ни аппетита, на худой конец. Выпил как безвкусный кисель. И эти наблюдения все больше тревожат. Несмертельно, конечно. Но для князя физическая немощ хуже смерти. Он умирал достаточно раз, чтобы относиться к этому процессу как к техническому

сбою. А вот с немощью сталкивается впервые...

Вчерашние беседы с приятелями-кому-за-триста не принесли плодов. Все живут и хорошеют. Так что либо загадочные недомогания имеются лишь у него, либо пандемия вампирской слабости только началась, а князь — ее нулевой пациент. Оба варианта совершенно не радуют.

Завтра ужин в приятной женской компании, послезавтра — Новый год, а дальше — праздничная кутерьма. Столько приглашений в календаре отмечено. Для некоторых из них смерть — не причина для отказа. А значит, нужно быть в форме. Юсупов глотнул горьковатый напиток, поморщился от зуда в носу. Будь он человеком, назвал бы это состояние простудой. Но он же — *почти* человек! Непонятно только, отчего человеческое вдруг стало возобладать над вампирским. Еще едкое «моя елка стоит надежнее!»! Неужели он настолько плохо себя показал?

Апчхи!

Юсупов облился ромашковым чаем, чертыхнулся. Из носа потекло — помчался в ванную. С минуту сморкался, плевался, оттирался. Взглянул в зеркало — нос покраснел и распух. Ситуация критическая.

Всю ночь Его Светлость промучился с заложенным носом и насморком. Израсходовал два рулона бумажных полотенец. И как в одном теле может быть столько соплей? Спал

урывками. Вроде что-то снилось — неясный бред на грани с явью. В шестом часу утра дополз до ванной и не узнал себя в отражении. Нос как картошка, кожа над губой покраснела и потрескалась. Глаза с болезненной поволокой, да еще жутко зудят.

Апчихи! Апчихи!

Снова унылая процедура со сморканием-полосканием. Вот как люди болеют?

Не включая света в кухне, изъял из холодильника термос с кровью. Открыл, приняхался и едва не блеванул. Отвратный запах гнили пробил заложенность носа и, казалось, теперь поселился там навсегда. Не рискуя здоровьем (ах, какая ирония), Юсупов вылил содержимое термоса в раковину. В запасе еще пара — на их инспекцию нет сил.

Размазывая сопли и, разве что, не воя от собственной никчемности, заварил последний пакетик ромашкового чая. Уверенный, что перебудил весь квартал своим чихом и шмыганьем носа, улегся на диван и вбил в поисковик: «как вылечить простуду за один день».

Водитель Константин, как и всегда, отличился пунктуальностью. Подъехал аккуратно к 12:10. Попетлял переулками, избегая новогодних пробок центральных улиц. Довез к ресторану в 12:53, на похвалу ответил кивком и сухим «с наступающим». Официант подвел к столику с мягчайшими сиде-

ниями и видом на Фонтанку.

Пахнет чем-то перченым и чесночным. Звучат праздничные мотивы. На столе материализовалось специальное зимнее меню. Софья огляделась — Его Светлость смеет опаздывать? Изучили меню, сделали заказ, даже вымыли руки, а князя все нет. Допустим, пробки, но хотя бы жухлую смску мог кинуть? Да и в целом, когда это Юсупов опаздывал за два года их встреч?

Тихо звякнули столовые приборы, подставка с салфетками и солью-перцем. Высокий заварник с ягодным чаем выпускает струйку пара. Софья обслужила себя и маму, то и дело косясь на входную дверь. И когда замаячили блюда с заморскими ароматами, прозвучало над ухом:

— Извини, дорогая. Пробки.

Князь чмокнул в щечку, скинул пальто и протянул ладонь маме.

— Как я рад наконец-то познакомиться с женщиной, что воспитала столь очаровательную дочь.

Мама зарделась, ответила на рукопожатие.

— Мам, знакомься, это Феликс, — вставила Софья. — Мой давний *друг*.

— Друг, — зачем-то повторил Юсупов.

— Феликс, это моя мама, Галина Анатольевна.

— Оч-чень, очень приятно, Галина Анатольевна, — с придыханием отозвался князь и облизнул мамину руку.

— Можно просто Галина, — ответила мама, растекаясь в

улыбке.

Ну все. Пиши пропало. Сейчас Юсупов начнет свой бенефис с плоскими шуточками, десятком дешевых историй в духе «вот какой я умный и начитанный, но сделаю вид, что ваш опыт интересен до глубины души». Конечно же, перемешает с интеллектуальными комплиментами. Софье останется лишь кивать и поддакивать, порой невпопад.

Не глядя в меню, Юсупов озвучил заказ, шмыгнул носом, нервным движением потер переносицу и продолжил с неприкрытым восхищением пялиться на маму. Будто перед ним сама богиня Венера или статуя авторства великого скульптора эпохи Возрождения.

— Вы знаете, Софи так много о вас рассказала, — нагло врал Юсупов. — Какая вы чуткая женщина, и как любите искусство, архитектуру. Вы, верно, бывали в Царском Селе? А как вам летний Петергоф?

— Да, очень понравилось, конечно, — ответила мама. — Особенно Екатерининский парк. В Петергофе удалось побывать ранней весной, когда только-только высадили клумбы, но фонтаны еще не включили.

— В Гатчину ездили?

— В прошлый раз не доехали. У меня было только четыре дня на все про все. В Эрмитаж тогда, по-моему, тоже не успели зайти.

— В этот раз непременно нужно успеть. Организую вам экскурсии везде, где пожелаете.

— Здорово! Соня говорит, в Кронштадте ледовый городок откроют.

— Насчет этого я не в курсе, но с большим удовольствием вместе с вами заполню этот пробел, — промурлыкал Юсупов, уплетая обед.

Софья разве что успевала переводить взгляд с одного собеседника на другого и диву даваться, как они успели за сорок секунд найти общий язык. Лицо мамы посветлело, а у князя взгляд хищника, который вот-вот проглотит жертву и даже не подавится. И он продолжает затравливать вопросами о житие-бытие, восхищаться ее обаянием и кругозором. Так вы еще любительница театра? Сейчас, конечно, горячий сезон «Щелкунчика», но волшебник Феликс возможно достанет билеты на представление.

На этих словах князь сделал совершенно дебильнейший выпад с фокусом — вытащил из рукава пиджака аккуратно сложенный конвертик из салфетки. Мастер оригами, чтоб его...

На маму это подействовало самым обезоруживающим образом. Поддержала рубрику «очумелые ручки», показала с телефона фото своих вязанных изделий. Юсупов пялится, будто ничего изысканнее на свете не видывал.

— А как все-таки вы похоже, — вставил Юсупов. — Смотрю на вас, за сестер сойдете. Не знал бы возраст Софи, ни за что б не поверил, что вы ее мама.

Это уже Софья не вытерпела. Пнула князя под столом, но

мерзавец даже не поморщился. Немного поерзал, снова потер нос и продолжил пожирать маму глазами. Кровосос проклятый...

— Вы верно уже в курсе, как будем отмечать Новый год?
— спросил он.

— Нет, — отозвалась мама и пожала плечами.

— Нет?

Юсупов наигранно сдвинул брови и одарил Софью взглядом с укором.

— Но как же?

— Соня вообще о вас ничего не рассказывала, — выдала мама с потрохами.

— Совсем ничего?

Мама помотала головой, доедая черничный десерт. Юсупов адресовал Софье повторный взгляд и добавил:

— Вероятно, хотела преподнести вам сюрприз.

— Да уж, о таком сюрпризе, как ты, только и мечтать, — проворчала Софья.

— Ну что ж, тогда я сам все расскажу, — просиял Юсупов. — Банкет-фуршет, салют и, конечно, танцы. Вы ведь любите танцевать?

И так далее, и так далее. Софья еще дважды попыталась пнуть Его Светлость под столом, но тот умело уворачивался. Когда закончили с десертом, прозвучало предложение совершить променад по непарадному Петербургу. Полюбоваться городом с непривычных ракурсов, сделать фото там,

где почти не бывает туристов. А на январских непременно посетить самый большой каток длиной в километр у «Газпром Арены». Не умеете кататься? Не беда! Инструктор Феликс в два счета научит держать равновесие. Доверьтесь ему, он и сам катается уже двести лет.

Князь оплатил счет, накинул дамам верхнюю одежду, продолжая щебетать, сыпать комплиментами. Ах, какой дивный аромат! Что это у вас? Никак духи с феромонами? Пощадите его сердце!

Апчхи! Апчхи! Кто чихнул? Он чихнул? Да это так, аллергия. На что? На цитрусовые. Вчера дегустировал десерт с ананасами, и вот брэнное тело сыграло с ним злую шутку. Но ничего. Главное, чтоб на шампанское не было аллергии.

— Аллергия? — вставила Софья.

— Ага. Я ведь тебе говорил, — опять нагло соврал Юсупов.

— Впервые слышу. Ты ведь — само совершенство. Откуда такая напасть?

— Раз в год и палка стреляет.

— И на старуху бывает проруха, ты хотел сказать?

Его Светлость проигнорировал сей выпад. Подал руки обеим дамам, заложил под локоток и повел по свежему рыхлому снегу вдоль Фонтанки, пообещав самую небанальную экскурсию в их жизни.

Перечислять все посещенные достопримечательности импровизированной экскурсии — язык устанет. У Софьи уже на второй час голова пошла кругом. Князь сыпал датами, фактами, историями и шуточками, будто только и ждал этого дня. Мама от его обаяния совсем растаяла, беседовала как с давним другом. А Софья все больше напрягалась.

И нет, дело не в чрезмерной услужливости Его Светлости. И не в том, что мама ближайшие три-четыре месяца по телефону будет донимать воспоминаниями об этой поездке. А в том, что с Юсуповым что-то не так.

Вроде и болтает как попугай, а это его главное оружие, чтобы кого-то охмурить. Вроде и шутки шуткует на грани уместности и флирта. А вроде и сам на себя не похож. Шмыгает носом и чихает чаще обычного. Правда Софья не может припомнить, чтобы Юсупов хоть когда-то чихал. С равновесием тоже не все так однозначно. Поскальзывается ничуть не реже пресловутой коровы на льду. И как он собрался женщин на каток вести?

А тут еще нет-нет, да кашель одолевает. Глаза покраснели. Не знай Софья истинной природы Его Вампиричества, поверила бы в его аллергию. Но у вампиров нет аллергии. Ведь нет? Не мог же Юсупов врать столько времени? И вообще, чего он так запыхался за вечернюю прогулку? Небось предложит присесть и передохнуть. Он будто подслушал ее мысли и вякнул:

— Дамы, как вы смотрите на то, чтобы восстановить силы

какао с зефирками, горячим шоколадом или глинтвейном?

Мама, конечно, согласилась. Софья пожала плечами. А Его Светлость потянул за собой в ближайшую кофейню. И пока мама отлучилась в дамскую комнату, Софья атаковала:

— Феликс, какого хрена?

— Что, прости? — самым невинным тоном отозвался Юсупов.

— Что с тобой происходит?

— Из нас двоих ты — журналист. Будь конкретнее в своих вопросах.

Софья округлила глаза и развела руками.

— Да ты себя видел? Аллергия, одышка, синяки под глазами. Вампиризм в тебе испарился? Дед Мороз исполнил твое желание быть человеком?

— Начну с конца, — ответил он. — Я не горю желанием быть человеком. И вообще-то я сам себе Дед Мороз, способен исполнить все, что захочу.

— Феликс...

— Кстати, что подарить Галине Анатольевне? У меня меньше суток до главного праздника. Надо бы успеть...

— Феликс...

— Ты могла бы и предупредить о визите мамы. Я бы организовал трансфер.

— Феликс...

— Почему ты обо мне не рассказывала? Как видишь, мы отлично ладили. Я знаю толк в общении с женщинами. Я

думал, ты убедилась в этом с момента нашего знакомства.

— Феликс, ты заболел?

Софья ощупала лоб Юсупова и нахмурилась. Не горячий, но чувствуется легкая испарина.

— Достанешь наряд медсестрички и будешь приказывать «дышите, не дышите»? — промурлыкал князь. — Расслабься, дорогая. Все со мной в порядке.

— Оно и видно, — буркнула Софья, продолжая хмуриться.

Появилась мама. Вдвоем с Его Светлостью вылакали по стакану какао с пряностями и заглотили эклеры с лимонным кремом. Обговорили завтрашний праздник, пожелания о подарках. На первый взгляд, идиллия. Но в том и дело, идиллия с Юсуповым — все равно что построить дом на вулкане и жаловаться, отчего так жарко. И судя по болезненному виду последнего, не сегодня завтра случится катастрофа.

К своему напитку Софья не притронулась.

В это время курьер доставил поздний заказ у двери квартиры на шестом этаже престижного дома на Петроградке. Два объемных пакета с продуктами. Как и положено, сфотографировал для отчета. Затем вынул из термосумки коробку в подарочной упаковке и положил рядом.

Скрипнул зимними ботинками, охнул, закидывая громоздкий курьерский короб, и поплелся к лифту.

Глава 3. Сущее наказание

— Ты знаешь, что так и будет. Рано или поздно все к этому приведет, — звучит очень знакомый бархатистый баритон.

Князь силится открыть веки, но они будто гвоздями приколочены.

— Думал, обманешь себя и будешь жить припеваючи, пока я гнию черт знает где?

— Нет... — хрипло ответил Юсупов и помотал головой. — Нет, я же.. я же...

— Что? Убил меня? Не смеши. Убить вампира — задачка со звездочкой. А убить родного брата...

Николай. Брат.

Брат?

— Вот заладил, — усмехнулся Николай. — У тебя что так много братьев?

Голос все кружит и кружит, опутывая тело Юсупова. Глаза предательски слипаются.

— Вот и до тебя очередь дошла, братишка, — сказал Николай над самым ухом. — Сначала ты ослабнешь. Начнешь гнить изнутри.

— Нет.

— Совсем как человек. А потом один случайный выстрел... Хотя постой. Для тебя это слишком гуманно.

Липкие ладони обхватили лицо Юсупова, заставив распахнуть глаза. Он наконец увидел брата. Только это не Николай. Совсем не тот, которым...

— ... которым ты меня помнишь? — продолжил за него мысль Николай. — Но как же? Разве не ты снес мою голову? Разве не такого меня ты запомнил?

Застывшая маска с пожелтевшей кожей. Полуоткрытый рот, из которого тянется струйка слюны с гнилостным запахом. Вместо носа — черный провал. А глаза... Глаза остекленевшие, мутные и абсолютно черные.

— Быстрая смерть для тебя слишком гуманна, — повторил Николай и сдавил ладони сильнее.

В висках Юсупова застучало. Глаза вот-вот

вылезут из орбит и лопнут.

— Медленное заражение каждого органа, — сказал Николай. — Ты будешь гнить изнутри так же, как я.

— Нет...

*— О да, братец. И я от тебя никуда не уйду. Я.
НАВСЕГДА. В ТВОЕЙ. ГОЛОВЕ!*

Дышать!

Юсупов разлепил глаза и глубоко вздохнул. Ртом. Ноздри бетоном залиты. Веки густым клеем смазаны. В ушах противно шелкает. Мучает жажда — крови или воды, не имеет значения.

Шатаясь, князь добрел до кухни. Не глядя, с жадностью выпил из термоса крови. Прохладная жидкость плавно потекла вдоль пищевода. А через несколько секунд поползла обратно. Юсупова вырвало в раковину, забрызгав все в радиусе полуметра. Сладковато-железистый вкус заполнил рот. И этот разъедающий запах гнили.

Князь долго полоскался там же над раковиной в кухне. Отмывал воспаленные глаза, сморкался изо всех сил — аж уши заложило. Откашливался до боли в горле, но гниль будто въелась в пищевод, под язык и отравила слюну.

Ты будешь гнить изнутри так же, как я.

Осел на пол, прижался спиной к холодильнику, отдышал-

ся.

Это сон. Всего лишь поганый сон.

Юсупов потерял веки, отчего усилился зуд. Еле отодрал руки, чтобы не расчесать еще больше. А так хочется буквально разодрать себе лицо. Из носа опять потекло.

Невыносимо!

С трудом поднявшись, князь нашарил рукой ассортимент аптечных пузырьков, коробочек и блистеров. Щедро пшикнул в каждую ноздрю. Распаковал таблетку антигистамина, запил водой. Подавил желание изрыгнуть из себя гнилостный вкус. Помазал заживляющим кремом натертый нос. Противно защипало. Поморщился. Дождался, когда бетонные затычки в носу ослабли. Вернулся в постель и все ворочался из-за ручейка слизи, что вытекает поочередной то из одной, то из другой ноздри.

Быть человеком — сущее наказание.

Мама еще долго расспрашивала про Юсупова. Кто таков, откуда взялся и правда ли что он — потомок того самого организатора убийства Распутина? Софье не впервой повторять легенду знакомства с Его Светлостью. Можно сказать, заученная речь. Да, имеет косвенное родство с богатейшим родом Российской империи. Да, имя настоящее. И да, скорее всего хайпует на этом без тени скромности. Нет, не женат, детей нет. Чем занимается? Да вроде, какой-то глянцевоый

журнал ведет. Нерентабельный источник дохода? Ну так и нет речи, что журнал обеспечивает ему капиталы. Даже наоборот, издательская деятельность скорее для отвода глаз. А чем именно он зарабатывает на хлеб с красной икоркой, можно только догадываться. Вроде коммерческой недвижимостью мутит-крутит. Давно мы вместе? Не сказать, что вообще встречаемся. Так... с переменным успехом.

За этой болтовней провели утро, совместив его с процедурами по окрашиванию волос. Софья — натуральная блондинка, поэтому предпочла оттеночный бальзам с пепельно-розовым оттенком. Маме подобрали перламутровый русый. Потом неспеша красились, наряжались и много смеялись. Фоном включили отечественный мюзикл «Вечера на хуторе близ Диканьки». К четырем часам вечера особо-то и нечем было заняться. Константин заедет ближе к половине восьмого. Давай, что ли, тефтели доедим?

— Десять! Девять! Восемь! Семь! Шесть!..

Сотня гостей хором выкрикивает отсчет последних секунд уходящего года. Кто-то снимает селфи, кто-то висит на видеозвонке с близкими, кто-то в треморе пишет на салфетке желание и готовится сжечь его.

— Пять! Четыре! Три!..

Большие куранты мерно увеличиваются на плазменном экране. За окном бахнули первые залпы салютов.

— Два! Один! С Новым годом!..

Звенят бокалы, шипит шампанское, звучит смех и стук каблуков — почти как на свадьбе Серафимы пять дней назад. Разве что антураж и контингент другой.

Его Светлость забронировал места в супердуперфешенебельном видовом ресторане с роскошной террасой. Ведущий, музыканты, конкурсы и кухня — выше всяких похвал. Очень много танцев, приятных разговоров, новых знакомств и, конечно, сверкающие мамины глаза. Софья не столько радовалась за себя, сколько за нее. На душе тепло от ее восторга. Юсупов вручил большой набор из двенадцати ароматов какого-то брендового турецкого парфюма. Мама оценила, обняла Его Светлость. Софье достался роскошный гарнитур украшений — серьги, пара колец, ожерелье и подвеска с крупными фиолетовыми аметистами. Переливаются и сверкают до рези в глазах. По примеру мамы Софья тоже обняла Юсупова и осыпала благодарностями. Тот в ответ промурлыкал, что вторую часть подарка вручит, когда они останутся наедине в его спальне.

Потом снова танцы, шампанское, заморские закуски, салюты и хлопушки — и так до четырех часов утра. Мама знатно ухайдокалась, все больше отсиживалась и меньше танцевала. Софья с ней солидарна, но помимо приятной усталости испытывала гнетущее чувство тревоги. Щупальца подозрений «что-то не так» сдавливали то виски, то плечи. Юсупов все время куда-то пропадал. Выйдет на минуту-две

покурить, поздравиться по телефону, обсудить «то да се с приятелем», облегчиться, ну и всякое такое. И с каждой отлучкой воротник его рубашки становится влажнее, волосы в большем беспорядке, а глаза и вовсе как у мертвой рыбыны. При этом танцевал, с азартом участвовал в конкурсах, говорил тосты каким-то важным дядькам — бизнес-партнерам, в смысле — сыпал комплиментами и шуточками. Но Софья слишком хорошо знает Его Светлость, чтобы уверенно заявить — с ним все плохо. Грешным делом подумала, не почил ли кто в его окружении, что тот из кожи вон лезет, дабы не выказать упадническое настроение. Жаль, нет у нее суперспособности видеть эмоции, да и третий глаз не моргает во лбу. Пытать Юсупова в праздничный вечер Софья посчитала неуместным, так что отложила выяснение загадки «какого хрена происходит» на ближайшие дни.

— Дамы, — нарисовался князь, — как ваш настрой? Устали?

— Все хорошо, Феликс, — отозвалась мама. — Праздник замечательный. Усталость, конечно, уже добралась до колен.

— Вызываю такси?

— Желательно сразу до дивана.

Князь шутку оценил. Ткнул в смартфон, забил адрес и сообщил, что машина подъедет минут через двадцать. Мама с наигранным кряхтением отправилась в дамскую комнату, а Софья продолжила прожигать взглядом дыру в голове Его Светлости. Тот будто и не заметил ничего. Нервным дви-

жением оттянул ворот рубашки, на миг-другой сдавил двумя пальцами переносицу и с приклеенной улыбкой прощался-обнимался с гостями. Конечно-конечно, они еще увидятся на январских. Пятого числа? В том самом коттедже? Ну разумеется, он приедет. И этих роскошных женщин обязательно привезет. Да-да, и вам хорошего праздника.

Проводил Софью с мамой к выходу, открыл дверь машины, чмокнул в щечку и попросил позвонить завтра, как выспятся. Организует очередную экскурсию по городу или за город. Приправил сие той же приклеенной улыбкой, махнул на прощание. Но Софья готова биться об заклад, в миг поцелуя щека Юсупова была непривычно горячей как при ознобе.

Тук. Тук-тук. Тук.

Юсупов с трудом открыл глаза и оглядел темную спальню. Веки свинцовые, во рту горячо, нос снова отказывается дышать. Нащарил на прикроватной тумбочке пузырек с назальными каплями, но тот, будто в насмешку, упал и закатился под кровать. Да чтоб тебя!..

На лоб легла прохладная ладонь.

— Да ты, братец, горишь, — раздался голос

Николая сразу повсюду. — Аллергия, простуда, грипп — что дальше? Похмелье? ЗППП?

Потусторонний смех прозвенел как бензопила. Юсупов помотал головой, хотел подняться, но сил хватило лишь на легкое подрагивание рукой.

— Зачем ты здесь? — прошептал он.

— Ну как же? Не могу я тебя бросить в столь плачевном состоянии. Всеми силами буду напоминать о бренности тела и ничемности твоего существования.

— Чего ты хочешь?

Смех, этот мозгодробительный смех, эхом раздается в спальне. Юсупов поморщился, прижал ладони к вискам. Тук. Тук-тук. Тук. Это у него в голове?

— Конечно, где же еще мне быть? — ответил на неозвученный вопрос Николай. — Я говорил, что навсегда в твоей голове. Вижу все гнусные воспоминания, помыслы, о которых ты уже ни сном, ни духом. Не переживай — я напому о каждом из них.

— Уходи, — сдавленно произнес Юсупов.

Тон брата сменился на жалобный, почти ребяческий:

— О, как невежливо с твоей стороны, братец. И как... глупо! Ха-ха-ха!

Смех отражается от поверхности каждого предмета. Будто играет целый оркестр, от звуков которого нет спасения.

— И-и-и-и, барабанная дробь! — радостно подхватил Николай.

Тук. Тук-тук. Тук.

Все стихло, так же в один момент, как и началось. Юсупов снова открыл глаза — никого. Ощупал лоб — горячущий. Захотел подняться, как горло сдавила жесткая ладонь. На грудь будто камень водрузили.

— Возмездия, — прошепел Николай. — Я хочу возмездия. Хочу, чтобы ты корчился от боли и жажды. Чтобы довел себя до безумия. ЧТОБЫ. ТЫ. СДОХ!

Легкие огнем горят. В горле тугой комок. Голова вот-вот взорвется.

Гхук-гхук! Гхук-гхук!

Юсупов рывком поднялся с постели. Откашливаясь, дополз до ванны. Исторг из себя зеленовато-коричневый комок слизи. Гнилостный запах вызвал рвотные позывы. Князь

прополоскал рот. Подождал минуту-другую, ожидая нового приступа кашля. Вроде отпустило.

Тук. Тук-тук. Тук.

Термометр показал 39,7. Неудивительно, что голова раскалывается, а пульс колоколом звенит в ушах.

Закипел чайник. Порошковое противовирусное зашипело в чашке. Чайная ложка меда немного подсластила лимонно-парацетамольный коктейль. С трудом осилив зелье, Юсупов сверху закинулся жаропонижающим. Раздобыл в шкафу еще одно толстое одеяло. Замотался червяком и погрузился в полудрему.

Потряхивало долго. А как удалось уснуть, так зов природы заставил выбраться из уютного гнезда. Вернувшись из ванной, обнаружил постель мокрой от пота. Футболку и пижамные штаны тоже хоть выжимай. С тяжелым сопением сменил белье и там, и тут. Снова завернулся в два одеяла и утонул в дремоте.

Софья трижды звонила князю и трижды слышала: «абонент не отвечает. Пожалуйста, позвоните позже». Допустим, он решил выспаться, но уже шесть вечера. Тут любой даже с похмелья поднимется — если не доест салаты, то хотя бы сполоснуться.

Не то, чтобы так уж обидно, но вообще-то сам предложил созвониться. И чего?

С мамой решили долго не марафонить — лишь пройтись вдоль украшенных центральных улиц, полюбоваться инсталляциями, покофейничать. Мороз шарахнул почти минус пятнадцать. Телефон изрядно подвисал во время съемки. Руки просились обратно в перчатки. А ноги быстро-быстро переносили от одной локации к другой. На Невский нечего соваться — там толпы плетутся гусиным шагом, ничего не видя перед собой, кроме чужих спин и шапок.

Потому выбрали маршрут вдоль Александровского сада до Медного Всадника. Оттуда мимо Исаакиевского сквера в сторону Новой Голландии. На полпути передумали и направились в ближайший ресторан согреться теплыми салатами с жареными баклажанами. Изначальный план на легкий променад провалился — счетчик шагов показал цифру в 18 000. Назад — только на такси.

— Ну чего там Феликс? Откисает что ли? — спросила мама.

Софья пожала плечами и проверила телефон в двадцать шестой раз.

— Непонятно, — ответила она, просматривая ветку сообщений. — Пока не отвечает.

— Может телефон сел?

— Скорее уж он сам сел... — буркнула Софья. — На унитаз. И никак не может с него подняться.

Зазвонил домофон. Юсупов не сразу расслышал сквозь сон. Как был в коконе, так и принял заказ от курьера, поплелся на кухню. Выудил из пакетов вместо термоса с кровью — апельсиновый сок, вместо секс-игрушек — партию лекарств, вместо бифштекса из мраморной говядины — ассорти фруктов и банку соленых огурцов. Последнюю открыл с особым рвением и подцепил пальцами корнишон. Заглотил не жуя, вкуса не почувствовал. Вытащил второй и посмаковал с приятным хрустом. Хрен знает, чего не хватает организму из-за бомбардировки лекарствами, но соленых огурцов захотелось больше жизни.

Так и просидел, замотанный в одеяло, с банкой огурцов, чашкой шипучего аспирина и сообщениями от Софьи. Ответить скользкими оправданиями совершенно нет сил. Прокрутил список новогодних поздравлений от друзей-знакомых. Поморщившись, вспомнил про обещания встретиться, выпить-закусить и продолжить январскую праздничную программу. И вдруг понял, что у него в кои-то веки самая правдивая отмазка никуда не ехать — он заболел. Разумеется, для некоторых приятелей этой отмазки в принципе не существует, равно как и для него самого до недавнего времени. Но в целом, врать-то не придется. И хоть ни одно сообщение так и не было написано-отправлено, Юсупов с чувством выполненного долга дожевывал последний корнишон. Допил кислотно-таблеточную смесь. И отправился на боковую. Долго крутился на постели, высматривая на краю сознания образ по-

чившего брата. Однако Николай больше не пришел.

Жаль, что при рождении не выдаются запасные части тела. Болит голова — прикрути другую, сломал ноги — вставь другие.

— Ага, а мужики то и дело меняли бы себе причиндалы, — запыхавшись, поддержала мама.

Новогодние каникулы длятся почти неделю, питерские красоты никуда не денутся. Можно хотя бы день просто полежать? Но, как говорится, у всех бед одно начало — сидела женщина, скучала. Так и эти две женщины после завтрака второго января решили никуда не ходить. Дать своим ногам передышку.

А потом вспомнили про Гатчину. Ну нет, тащиться до Балтийского вокзала, оттуда час трястись в электричке. Увольте. То ли дело Кронштадт! Дотащиться в Приморский район, втиснуться в душный автобус, проторчать в пробке на мосту — вот это по-нашему.

Морозыка с пущим рвением щиплет нос и щелкает по ягодицам. Солнце чутка показалось над горизонтом. Оказывается, оно дает столько света! За осенне-зимний период в Питере нетрудно отвыкнуть от этого желтого объекта на небе.

Краснокирпичный Кронштадт встретил дореволюционными постройками и казармами, манящими запахами местных кофеен и пышечной на набережной у Петровского ма-

яка. Пробираясь мимо чугунных пушек и обледеневших доков, Софья с мамой замерзли — зуб на зуб не попадал. Ноги гудели, будто в сапоги залили тяжелый свинец.

— Думаешь? — с той же одышкой переспросила Софья. — Они же не настолько травмированы. Это женщинам навязывается перекроить себя сверху донизу, чтобы понравиться Ваську. Не припомню я активной пропаганды среди мужского населения на ухоженную внешность ради женского одобрения. Даже наоборот, требования минимальны. Не ссытся под себя — и ладно.

После километров пешего марафона по морозу в маме заснула интеллигенция и проснулась суровая, повидавшая жизнь заведующая театральным цехом:

— Они и не ради женщин старались бы. Думаешь че, они свои драндулеты тюнингуют и музыку врубают, чтоб женщинам понравиться? Как же...

— Мужчины хотят нравиться другим мужчинам.

— Ото ж... Ни одна женщина не обрадуется, когда мужик рыгнет, хрюкнет-грюкнет или пропердится на своей тачке в спальном районе.

— Эт точно.

— Папашка твой тоже вон все по девкам бегал. Не нагулялся. Как же... Та же самая петрушка. Понтовались друг перед дружкой в бытовке. Он же тогда в лесничестве работал. Сам вечно замызганный, чуханистый, небритый. В бытовке коптит буржуйка, да мужики смолят «Беломор». Хва-

лился все своими подвигами — сколько, с кем, когда и как... Уф! Скоро дойдем-то?

— Да вон уже через дорогу, — ответила Софья, указав на табличку с названием кофейни.

Кронштадт хоть и расположен на крохотном острове площадью три на четыре километра, а гулять все равно запыхаешься. Сначала ж в ледовый городок заглянули — крытый павильон на территории парка «Остров фортов». Потолкались, пошоркались пуховиками с другими посетителями. Потом и сам парк изгуляли. Оттуда — к набережной. Замерзли, устали, проголодались. Софье страсть как хотелось угостить маму бочковым кофе, который варят в местной кофейне. А какие там пышки жарят!.. Будете в Кронштадте — обязательно загляните на огонек.

Крохотное помещение встретило теплом и ароматами съестного. В желудке проснулся цербер. Софья озвучила заказ. Девчонки за кассой сказали, что бочковой кофе варят только по воскресеньям. Но есть альтернатива — эспрессо с дозой сгущенки. Вкус идентичный.

Когда ноги оттаяли, а цербер в желудке удовлетворенно улегся в спячку, Софья украдкой глянула сообщения. От Его Светлости ни слуху, ни духу. Ну и иди ты! Без тебя справимся!

— Феликс, поди, куролесит? — спросила мама.

— Понятия не имею, — буркнула Софья. — Так-то он обещаниями не разбрасывается.

— Может заболел?

— Это не про него.

— В Новый год вон как отплясывал. Бегал на воздух. Там и продуло. Валяется, поди, с температурой. А ты его мысленно костеришь.

— Да он и не болеет никогда.

— Ну раз в год и палка стреляет, — сказала мама, доедая пышку.

Недавно Софья это уже слышала. Не верится ей в совпадения и суеверия. А вдруг и правда случилось что? Зная характер Юсупова и его феноменальный навык влипать в сомнительные истории, случиться, действительно, может всякое.

Подавив желание накостылять Его Светлости при первой возможности, Софья снова набрала его номер. После пятого гудка хотела сбросить, однако на том конце прозвучало сиплое:

— Да, дорогая...

Софья не сразу узнала голос Юсупова. Подумала, что ошиблась. Взглянула на экран смартфона — да вроде тот номер.

— Привет, ты... эээ, ты там как? — не нашла более внятные слова Софья.

— Дорбальдо...

— Что, прости?

В ответ раздалось шмыганье, будто носорог засасывает

крокодила. Мученический вздох и повторное — «дорбаль-до».

— Извиди, я дебдого де в форбе, — гнусаво продолжил Юсупов.

— Я так и поняла. Тебе... эээ, тебе что-нибудь нужно?

И снова швыркание-шмыгание, невнятный шорох.

— Спасибо, я уже почти... Я иду на поправку.

— На поправку?

Это точно Юсупов говорит? Какие мультивселенные схлопнулись, что она слышит такое от вечно безупречного вампира?

— Как ваши дела? — спросил тот.

— Нормально. По Кронштадту гуляем.

— Оу...

— Ладно, Феликс, тебе, наверное, отоспаться нужно. Позже созвонимся.

После финального «ага» Софья еще несколько секунд пялилась на смартфон в поисках — чего? Да хоть какого-то объяснения. Вампир и заболел? Это же нехорошо. Совсем нехорошо. Если не сказать, катастрофично.

— Ну че? Болеет? — подала голос мама.

Софья кивнула. С растерянным видом повозила пышку в сахарной пудре. Дожевала, не испытывая вкуса. Спустя пятнадцать минут зашли в соседний павильон — музей-макет фортов Кронштадта. Началась часовая экскурсия с мультимедийными вставками на экранах. Но Софья слушала впол-

уха.

— Фактически любой вампир не является бессмертным. Скорее — долгожителем... Вы понимаете, чем это грозит?

Голос покойного Дмитрия эхом раздавался в голове. Поганое подозрение заскреблось на краю сознания. Неужели Юсупов — больше не вампир? По весне прошлого года они все — Софья, Юсупов и Дмитрий — оказались в злосчастной заварушке по очеловечиванию вампиров. Что если эффект аукнулся сейчас? Но почему? А может тогдашняя договоренность с ООО «Щит» пошла по швам, и назревает реванш?

От этих размышлений вперемишку с голосом диктора голова пошла кругом. Софья шепнула маме, что отойдет подышать. Накинула пуховик и вышла на мороз.

Блеклое солнце растеклось среди облаков как сливочное масло. Хмуро-серого цвета военные корабли стоят на рейде. Настырный голубь клюет хлебные крошки, которые рассыпала местная бабуля. Мимо прошаркали чоботами подростки в шароварах, бесформенных куртках и густой растительностью на головах.

Вы понимаете, чем это грозит?

Юсупов — человек? Заложен нос, мучает насморк и головная боль. А там поди и понос прихватит?.. В воображении замаячила картина бледного князя, сидящего на унита-

зе, со страдальческой гримасой на лице и наполовину израсходованным рулоном туалетной бумаги в руках.

В горле запершило. Даже нет — забурлило, как от шампанского. Софья рассмеялась над собственной фантазией аж до слез. Бабуля покосилась, голубь безмятежно клюет крошки, солнце почти полностью растворилось в пелене облаков. Юсупов — человек? В его доме наконец-то займется аптечка? Он же каждую инструкцию лекарств вынужден вычитывать. Ха-ха, ой, ну хватит глумиться... Может стоит навесить и поглумиться, воочию лицезрея сие чудо из чудес.

Ну надо же! Юсупов — человек, вот смеху-то будет. До конца дней хватит! Ее дней, его дней. Интересно, и сколько ему осталось?

Глава 4. Гости из прошлого

— Не смешно, — буркнул Юсупов, пропуская Софью в прихожую.

Однако гостью это раззадорило еще больше. На глазах выступили слезы, истеричный смех не прекращался, пока варился кофе, грелся жидкий суп в микроволновке и поджаривались тосты. Софью согнуло пополам, лицо покраснелось, из горла вместо смеха выходит сдавленное бульканье и сипение.

Юсупов вздохнул, накрыл на стол и стал помешивать суп. Опостылевший суп. Как же он ненавидит все супы мира. И как же бесит, что тело отказывается от пищи — человеческой и вампирской. Аппетит — странный предмет, он вроде быть есть, а вроде и нет. Во рту хочется — в желудке не хочется. Горячая луковая жижа обожгла язык, потекла вдоль пищевода и осела где-то дальше, не вызвав ни удовлетворения, ни сытости. Запахи почти отбиты, вкусы ощущаются либо очень соленые, либо очень острые. Остальные оттенки напрочь не воспринимаются на языке. Проглоти Его Светлость тухлого угря, не заметил бы разницы с чертовым луковым супом.

Софья застонала, периодически вздрагивая от вспышек смеха. Продышалась, размазала тушь в уголках глаз и выда-
ла:

— Ты неотразим.

— Угу.

— Нет, правда. Я искренне не понимаю, на кой ляд в прошлом году рисковала жизнью, лишь бы помешать распространению антивампирской кампании? Взгляни на себя — ты само совершенство.

— Угу.

— Писанный красавец. В твоих мешках под глазами можно картошку хранить.

— Ты пришла поглумиться и осыпать меня дешевыми шутками?

— Какие уж тут шутки, родной? — разыгралась Софья. — Эти твои ноздри... ха-ха! Ты вместо носовых платков использовал наждачку? А с кожей что? Лезвие затупилось или ты растерял навыки бритья?

Юсупов проглотил и эту колкость. А вместе с ней — еще пару ложек безвкусной горячего варева, от которого, как назло, в носу опять засвербело. Сейчас потечет. Не дожидаясь катастрофы, князь оторвал кусок от рулона бумажных полотенец (шестой за четыре дня!). Высморкался без тени стеснения. Выдержал насмешливо-удивленный взгляд Софьи. Не то, что он не рад визиту. Но все же был уверен в ее сочувствии или хотя бы нейтральной реакции. Мда, и когда у них выходило оправдывать ожидания друг друга?..

— А это что? Седина? — гостья потянулась к его голове, взъерошила и без того взбесившиеся волосы.

Разразилась новым приступом смеха, отпила кофе и едва не подавилась.

— Диарея не мучает? — вбила она очередной гвоздь. — Уж я-то знаю, как на работе кишечника сказывается затянувшаяся температура и вот эти сиропчики. Ты вообще в них уверен?

— Я предварительно прочел отзывы.

— А инструкцию с противопоказаниями? Ты сам сказал, вампирских докторов не существует. Откуда тебе знать, нет ли какой аллергии или возможных осложнений? Одышка там, конъюнктивит, пагубное влияние на концентрацию, особенно для тех, кто за рулем.

Вместо ответа Юсупов через не могу проглотил последнюю ложку супа. Зашуршал упаковкой противовирусного. Запил красно-желтую капсулу горьким чаем со зверобоем. Поморщился, шмыгнул носом. Какое там проклятье рода Юсуповых?! Проклятье соплей куда страшнее...

— Пробиотиками хоть питаешься? — сжала лась Софья.

— А?

Софья вздохнула как мать при виде ребенка, который в двадцатый раз мерил лужу и набрал в сапоги грязной воды. Глотнула кофе, поднялась со словами «так уж и быть» пошла обуваться.

— Ты куда? — спросил князь.

— За кормом. Для людей, а не вампиров.

Надо отдать должное, хоть Софья и измывалась, но от ее заботы значительно полегчало. Юсупову и в голову не пришло, что ряженка поможет восстановить пищеварение (пожалуйста, только без шуток про диарею!). Или что квашеная капуста — вполне достойный перекус, когда нет аппетита, а похрустеть чем-то хочется. Или что полплитки горького шоколада (а лучше — кэроба) спасают от боли в горле. И необязательно терзать себя чаем с лимоном и медом. Целебный эффект имеет горячее молоко с медом, ложкой соды и куском сливочного масла.

Стиснув кружку желтоватой смеси, князь прижался к теплему телу Софьи. А потом свернулся калачиком и не заметил, как задремал от мерного поглаживания по голове.

— Признайся, ты и сам был неравнодушен к Марине, — пробубнил Николай изъеденными губами, разглядывая Софью. — После дуэли у меня было достаточно времени, чтобы увидеть картину целиком.

— О чем ты? — просипел Юсупов.

— Ты веришь в перерождения?.. Не утруждайся, я знаю, что не веришь. Но это, — Николай указал синюшным пальцем на лицо Софьи, — нельзя назвать простым совпадением. Они так похожи. Моя Марина и твоя Софи.

Юсупов нервно сглотнул, сияясь выдавить хоть слово. Полуразложившийся Николай навис над Софьей как коршун над добычей. Обнюхивает, ластится.

— Ты не просто так ее выбрал, — сказал он. — Тебе нравилась Марина. Где-то в глубине твоей черной душонки. Ты ревновал, но не стал бы стреляться со мной из-за женичины. Ах-ха-ха! Зато снес мне голову одним взмахом шпаги! Ммм...

Николай понизил голос до загробного шепота. Клацнул гнилыми зубами над самым ухом Софьи. Оголил клыки, наклоняясь к ее шее.

— Ты подло лишил меня Марины в прошлой жизни, я лишу тебя Софи в этой...

— Не с-смей... — выдавил Юсупов и дернулся, отталкивая мертвеца.

— Тише-тише, — прошептала Софья.

— М?

— Ты вздрагивал во сне и что-то бурчал.

Юсупов потер глаза. Может рассказать про видения с Николаем? Как-никак они были знакомы до... до всего, что произошло потом.

— Мне тоже при болезни всякий бред снится, — сказала Софья. — Но хуже всего галлюны при лихорадке. Тело напоминает желе, комната ходуном и... даже не знаю, как объяс-

нить. Будто от любого моего движения все рушится. В детстве такое часто было. А с возрастом наоборот, полегчало. Может это связано с психикой или развитием отделов мозга?

Юсупов поерзал, прижался носом к ее шее и промолчал. Он знает это ощущение — поймал намерзшие. А потом опять пришел Николай со своим инфернальным смехом, который звучит как скрежет ржавой пилы.

— Как дела у Галины Анатольевны? — спросил он, чтобы перевести тему.

— Отдыхает после трехдневного трипа. Решили сегодня сделать перерыв. Кстати, ей очень понравился твой подарок. Передает тебе повторные благодарности и желает скорейшего выздоровления.

— Угу.

Софья снова погладила по волосам, выдержала паузу и добавила:

— Но ты мог бы и предупредить о своем состоянии. Я-то в мыслях на тебя с десятков раз порчу на понос наслала.

— У тебя получилось.

Смех вышел нутужный, но хоть в груди потеплело. Наконец-то он не один на один с этой напастью. Даже подумать не мог, как, оказывается, приятно вот так лежать в объятиях близкого человека, поскуливая от собственной немощи.

— Есть у тебя хоть крошечные догадки, кто тебя укусил и высосал все вампирские силы? — спросила Софья.

Юсупов и сам крутил этот вопрос, проваливаясь в забы-

ть, или в редкие часы бодрствования. Предположений хватает, но вменяемой концепции — ноль целых хрен десятых. Может внезапный сбой из-за ретроградного Меркурия, доселе неведомой миру антивампирской пандемии, или у него истек двухвековой срок годности патента на бессмертие.

— Мне остаться? — спросила Софья.

— Твой вопрос развязывает мне галстук мыслей, — прошептал Юсупов и еще теснее прижался.

С превеликим удовольствием ощутил, как Софья накрывает его одеялом. Чувство ностальгии медом растеклось в груди. Он это испытывал когда-то давно. Когда еще был человеком.

К Рождеству Его Светлость более-менее оклемался, хотя по-прежнему выглядел как стоялое желе. Совершал жрательные процедуры с проснувшимся аппетитом. Правда вышеобозначенный аппетит не распространялся на кровь. За неделю он не выпил и глотка. Даже рука не потянулась за термосом. От одного вида в носу возникал фантомный гнилостный запах.

Зато фантомный Николай больше не являлся, что с одной стороны, порадовало, а с другой стороны включило фоновое ощущение подвоха. Что это вообще было? Что с этим делать? И насколько все хреново?

Отражение в зеркале отдает желтизной кожи и энтузиаз-

мом дохлой рыбы в глазах. Однако князь посчитал верхом неприличия столь долгий срок не видеться с мамой Софи и с ней самой. От нее приходили сообщения о прогулках туда-сюда, с фотками из Гатчины (съездили-таки!) и целой веренице дворцов-особняков (как у них терпения хватило?), но в этом сквозило легкое недовольство в духе «мог бы, скотина, и предложить услуги Константина — личного водителя — ибо дубак, сугробы, шо пипец».

За секунду сочинил приглашение на семейный ужин. Столик забронирован, Константин подъедет во столько-то. Софья ответила парой эмоджи с подписью «порча отменена». Князь хмыкнул и отложил телефон. А через секунду раздалась повторная трель — сообщение с незнакомого номера.

«Выборы главы клана состоялись. Если удобно, хотелось бы встретиться с вами на получасовую беседу. По возможности — 9 или 10 января. Пожалуйста, сообщите подходящее время. Никита С.».

У Юсупова брови поползли вверх — охотники обзавелись личным, а главное — воспитанным секретарем? Отродясь таких формулировок не использовали в сообщениях, а тут — «если удобно», «пожалуйста». Щекотка любопытства поползла вдоль позвоночника. Что ж, можно и побеседовать. А пока — семейный ужин!

Князь напоследок глянул в зеркало, пригладил волосы и звякнул ключами. Краем глаза выхватил в отражении фигу-

ру Николая. Стиснул зубы и назло ему (или самому себе) проигнорировал сей факт.

— Ах как жаль, что вы так скоро уезжаете, — промурлыкал Юсупов.

— Да как скоро? Я здесь полторы недели. Мы с Соней километры намотали, дай боже. Впечатлений — во! — ответила Галина Анатольевна и сделала жест ладонью поперек шеи.

— Я настаиваю на летний отпуск в наших краях, — умасливал Юсупов. — Сообщите, когда запланируете. Организирую отдых по высшему разряду. Белые ночи, прогулки на катере, аромат сирени и салюты в честь ничего.

Дзынькнули бокалами «за то, чтобы зима как можно скорее закончилась во имя грядущего отпуска». Дальше князь зашуршал подарками — украшения из темного серебра с жемчугом («Какая роскошь!»), набор карельского чая и варенья для Галины Анатольевны. Белоснежный кашемировый палантин и две коробки конфет «пьяная вишня» («Да ладно?! Я их обожаю!») для Софьи. Медово-пшеничное марево удовольствия заполнило пространство — Юсупов мысленно выдохнул. Способность видеть эмоции снова функционирует. А когда Софья еще и чмокнула в щеку, совсем растаял. Жизнь возвращается в положенное ей русло.

— И все же, как сложилось, что за два года мы с вами так и не свиделись? — спросил он Галину Анатольевну, когда

Софья удалилась в уборную.

Галина Анатольевна пожала плечами и ответила:

— Не знаю. Соня давно самостоятельная. Работа, съемки, моталово. У нее был кавалер в прошлом году. Вроде жили вместе.

— Влад, — вставил Юсупов. — Наслышан.

— Видимо, не заладилось у них. В разговорах по телефону упоминания о нем сошли на нет. Я и лезть не стала. Она ж упрямая и все — «я сама», что поездом не остановишь. Как чего втемяшит себе, так не успокоится, пока не сделает. И только потом расскажет, как колени и локти обдирала... и то — *если* расскажет.

— Вы ведь у нее — одна, верно? — осторожно спросил князь. — Почему же Софи не доверяет единственному родному человеку?

— Как мать, я, конечно, скажу, что когда-то недодала внимания или любви. А вообще Соня всю жизнь такая — с одноклассниками не особо дружила. Как занялась журналистикой — новые знакомства ей стали интереснее тех, кто был под носом. В университетские годы начала работать — там и вовсе отдалилась. Бывало, неделями не созванивались. Однажды я не выдержала, сказала, что, кроме нас, никого роднее нет. Так она в трубку рыдала два часа. Рассказала обо всех переживаниях, усталости... С тех пор общаемся чаще, хоть она по-прежнему многое держит при себе.

— Возможно не хочет давать вам поводов для волнений?

— Семья — это не только праздники и добрые воспоминания, — ответила Галина Анатольевна. — Семья для того и нужна, чтобы справляться со всеми трудностями. Когда ты один, то вывозить нелегко. А с семьей — разделять печали и приумножать радости проще.

— Совершенно с вами согласен, — ответил Юсупов и мысленно хлопнул дверь собственных семейных воспоминаний.

На краю сознания послышался самодовольный смех Николая. Замаячил запах его одеколона. Юсупов поерзал, засуетился с остатками чая, прогоняя морок. Появившаяся Софья отмахнулась от добавки и предложила вечернюю прогулку, чтобы «все улеглось в желудках».

Правду говорят — хорошего человека Никитой не назовут. Не сказать, что князь привередлив или суеверен в значениях имен. Однако не припомнил ни одного мало-мальски вменяемого Никиту за все двести лет жизни. На ум пришел лишь Никита Кожемяка из русских былин, который отличался сообразительностью и силушкой богатырской. Нынешний же собеседник — не чета богатырю. Силы в нем — среднее арифметическое между офисным работником и гаражных дел мастером, роста — на полголовы ниже самого князя. А вот насчет сообразительности Юсупов решил делать вывод после словесного поединка.

Видит бог, нелегко переступить порог «Качалки для настоящих мужиков». Воспоминания о бывшей владычице этого места лавиной давили на мозг и сердце. Пришлось стиснуть зубы и заталкивать-заталкивать образы бывшего туда, откуда они упорно стремились просочиться.

В отремонтированном зале тихо, пусто и пыльно. Раньше здесь не смолкал урчащий рок и лязг тренажеров. Исключениями служили приватные вечерние встречи с сигаретным дымом и утробным смехом, который для князя сродни трели соловья. Отмахнувшись от назойливой ностальгии, Юсупов направился в подсобку (кабинет то бишь). Снова игнорировал образ Николая, что мерещился в запыленных настенных зеркалах. Нет, это не взаправду. Это лишь плод ума, неделю мучавшегося лихорадкой.

В подсобке мало что изменилось. Те же стены, тот же терпкий запах и теснота. Только стеллаж с лягушками опустел. В углу пара незапечатанных коробок, в которых маячат знакомые сувениры. Юсупов готов биться об заклад, что знает историю о каждом экземпляре земноводного.

Прибираются, значит. Что ж, Изабелла Давыдовна почилла полгода назад. Может и пора дать место новым трофеям. Портрет владычицы тоже имеется. Черно-белое фото в рамке висит прямо напротив входа. Глаза с темной подводкой будто сканируют вошедшего и бдят за тем, кто пришел на замену.

После краткого знакомства и обмена кивками новоявлен-

ный глава клана охотников предложил стул напротив себя. Не спрашивая, плеснул воды в стакан и придвинул Юсупову. Самым привычным (когда только успел?) манером уселся в кресло Изабеллы Давыдовны, оперся локтем о стол с эпоксидной заливкой, что в прошлом году князь подогнал в качестве подарка на юбилей. А потом еще указал на чистую пепельницу в виде кувшинки — у князя аж зубы свело.

— Если хотите курить... — начал тот.

— Обойдусь, — отрезал Юсупов. — Я вас внимательно слушаю.

Он ожидал чего угодно. Что собеседник услужливо задержится или наоборот начнет быковать, гнуть пальцы. А может и вовсе по дурости шмальнет из травмата прямо в грудь — и такое бывало. Но то, что Никита Эс — в самом деле, что значит «С.» из сообщения? — самым естественным образом впишется в интерьер кабинета (подсобки то бишь) и заговорит ровным тоном, стало для князя если не ударом под дых, то неприятным уколom под сидалищем.

— Во-первых, спасибо, что пришли, — начал Никита ровным тоном. — Во-вторых, задним числом прошу извинить моих коллег за все неудобства ввиду выборов.

«Неудобства», как же... Шквал надоедливых звонков и тупых смсок, хотите сказать? Князь лишь приподнял бровь и, как мог, усилил выражение лица «я — умный, ты — идиот по умолчанию».

— В-третьих, уверен, вы и сами понимаете, грядет пере-

становка сил и перепись гласных и негласных правил. И чтобы сэкономить ваше и наше время, задам один вопрос — какой позиции вы планируете придерживаться?

С открытого вопроса пошел, значит. Прощупывает, рамок не задает, но дал понять, что как раньше уже не будет.

— Я — Швейцария, — ответил Юсупов. — Ввиду собственной природы не могу пойти против сородичей. Но и с охотниками больше дел иметь не намерен. Меня вполне устраивает мирская жизнь без политики и неоправданного риска на полях сражений.

— Насколько мне известно, у Изабеллы Давыдовны вы были на особом счету.

— Что было у нас с Изабеллой Давыдовной, с ней и ушло в мир иной, — резче, чем нужно, ответил князь. — Та страница закрыта. Новую открывать не испытываю желания.

Секунду Никита пялился, не шевелясь, а затем ответил:

— Что ж, тогда в двух словах сориентирую о будущих переменах. После праздников в город придут представители кланов со всей страны. Проведем большой совет для пересмотра внутренней и внешней политики. Новое время требует новых решений. А нам, как и вам, не нужна горячая революция. Среди приезжих есть представители кардинальных взглядов. Хоть вы и бессмертны, считаю своим долгом предупредить — в городе возможны конфликты интересов, так сказать. Посему рекомендую — реже попадайтесь на глаза. Для некоторых оппозиционеров вы, гкхм, крайне значимая

фигура.

— Лакомый кусок, — поправил Юсупов, — называйте вещи своими именами. Мне не привыкать возглавлять топ-десять голов, которые ваши коллеги желают видеть у себя на заборе или каминной полке... хотя откуда бы у них взяться камину?

Никита кивнул, снова выдержал двухсекундную паузу и продолжил:

— Мы благодарны вам за честность и за всю помощь, которую оказали нашему клану при жизни Изабеллы Давыдовны. И сделаем все необходимое, чтобы во время совета вас не побеспокоили.

Все не так и все не то, заключил Юсупов. Не может этот Никита Эс после полугода разборок встать у руля, будто рожден для этого. Все в нем не нравится. И мышинного цвета волосы, и по-военному выбритое лицо. Возраст около сорока, но непонятно, в какую сторону. Не слишком ли молод для чина главы клана? Хотя Изабелла Давыдовна была на десяток лет моложе, взойдя на престол. Но то — Изабелла, а этот... Еще странные глаза: один — в Париж, другой — Тохтамыш. Не в смысле, смотрят в разные стороны. А в смысле — гетерохромия. Один — синий, второй — блекло-зеленый. Бесцветный голос — как приказы отдавать? Но что вызвало липкий пот за шиворотом — абсолютно ровный эмоциональный фон. Будто сей Никита Эс ведет беседу не с вампиром-дворянином о судьбе целого города (и области, раз на

то пошло), а с товарищем обсуждает кредит на поддержанную иномарку.

Нехорошо, очень нехорошо, когда потенциального противника не за что зацепить. Но это мы еще посмотрим.

Князь окинул беглым взглядом помещение. Невольно задержался на портрете Изабеллы Давыдовны. Сдавленно выдохнул и сказал:

— Так это *вас* она готовила себе в преемники?

На лице Никиты отразилось легкое замешательство. Эмоциональный фон самую малость колыхнулся. Не показалось же?

— Откуда вам... гкхм... — Никита наигранно прочистил горло.

— «Как сопелку отрастит, так первым за тобой и придет», — процитировал Юсупов. — Долго добирались.

Слух о преемнике витал еще год назад. Изабелла Давыдовна все расспросы рубила на корню. Его Светлость не встречал, так как и мысли не допускал, что сия перемена окажется актуальна хоть в каком-то обозримом будущем. Однако владычица уже полгода в Вальгалле (или куда там отправляются атеисты?), а преемник нарисовался лишь сейчас. Где ж его носило? Известие о кончине Изабеллы облетело всю Расею-матушку и соседние братские страны меньше, чем за сутки. Отчего преемник пропустил похороны? Или хотя бы недельку-другую спустя? В каких краях блуждал столько времени?

Никита повел плечами, выдержал уже опостылевшую двухсекундную паузу с гляделками и выдал:

— Возникли обстоятельства непреодолимой силы.

— Настолько непреодолимой, что вы даже не явились на похороны?

Эмоциональный фон колыхнулся повторно. Что это — стыд? Вина? Сожаление? Юсупов не успел зарегистрировать, как марево растворилось. Будто кнопку нажали, и все погасло.

— Я был в горячей точке, — ответил Никита.

Теперь очередь Юсупова выдерживать паузу и пялиться с легким прищуром. Ну и каково этому Никите, когда в глаза смотрит вампир, а спину буравит взор Изабеллы Давыдовны? Тряхнуть бы этого Никиту. Получить ответы. А с другой стороны — зачем? Решено же — больше с охотниками не якшаться.

— Если у вас все, я удаляюсь, — сказал князь.

— Не смею задерживать, — ответил Никита и поднялся.
— Спасибо, что пришли.

Он протянул ладонь для рукопожатия, но осекся и отделался кивком.

— Надеюсь, вы ее не подведете, — сказал Юсупов и бросил взгляд на портрет владычицы. — Не зря же она вас выбрала.

Олимпиаду по ментальной гимнастике можно считать оконченной. Удовлетворения князь не почувствовал. Фоно-

вое беспокойство щекочет затылок. Но точка поставлена. Больше никаких братаний с кланом, даже по старой памяти. Пора бы и честь знать, сохранить нейтралитет по примеру того же Строганова. Тому же удастся столетиями выбирать срединный путь, читай — свой путь.

Талый снег прочавкал под ботинками. Промозглый ветер залез за шиворот, заставив невольно поежиться. Машина не успела остыть за пятнадцать минут, но князь все равно навалил обогреватель. Потер ладони, смежил веки и откинулся на сидении, расслабляясь от теплого воздуха.

— Не выйдет, — прозвучал знакомый баритон за спиной.

Юсупов приоткрыл глаза. В зеркале заднего вида нарисовалась фигура Николая.

— Не выйдет сохранить нейтралитет, — повторил он. — Спокойная жизнь не для тебя.

Юсупов потер переносицу и промолчал. Николай — плод его воображения. Достаточно просто игнорировать, и фантом уйдет.

— Ха-ха, никуда я не уйду, — сказал Николай с триумфом в голосе. — У нас на двоих одна кровь, одна фамилия и одна голова. Ты же сам меня призывал. Годами. Годами я слышал «Николай, Николай, брат!».

В салоне эхом отразился замогильный хохот.

Просто игнорируй, просто игнорируй.

— Ты все считал меня мальчишкой, не способным принимать взрослые решения. В то время как сам ничему не научился, — скучающим тоном продолжил Николай. — Не делай вид, будто меня нет.

— Но тебя нет, — сквозь зубы выдавил Юсупов. — Твое тело сгорело, а голова гниет в сыром подвале.

Волна потустороннего смеха повторно прокатилась по сиденьям, приборной панели, приподняла шерсть на загривке.

— Я же говорю, ты так ничему не научился, — сказал Николай и склонился над самым ухом. — Это твоя голова гниет в сыром подвале, наполненном тлетворным запахом вины. Это ты во всем виноват. Ты отправил на тот свет собственного брата и лучшего друга, бог знает сколько душ сгубил. Изабелла умерла из-за тебя.

— Нет... — машинально ответил Юсупов и помотал головой.

— ... если бы ты тогда не подвел ее. Если бы не твоя самонадеянность...

— Нет...

— Если бы ты подобрал ей лучших хирургов, она была бы жива. ЭТО ТЫ. ВО ВСЕМ. ВИНОВАТ!

Биииип! Биииип!

Протяжный клаксон снегоуборочной машины разорвал сознание на части. Проблесковый маячок назойливо мигает оранжевым светом. Юсупов вскинулся, ударился макушкой и сморгнул пелену с глаз. На автомате махнул водителю, сдвинул рычаг и выехал с парковки. Через два квартала чуть не проскочил на красный. Резко притормозил, едва не сбив курьера на электромопед. Сдавленно выдохнул и потер взмокший лоб. Ослабил ворот, задев влажную кожу на шее. Неужели опять лихорадит?

Часы показали половину первого. Через два часа Галина Анатольевна вылетает домой. Хорошо, что в аэропорт послал вместо себя Константина. Со своим телом и головой нужно что-то делать. Может со своей смертью он и готов смириться. Но если его *нездоровье* послужит причиной чужих неприятностей или чего похуже, себе он этого не простит.

Галлюцинации с Николаем не имеют закономерностей. А что если это не просто побочный эффект гриппа и высокой температуры? Что если он теряет рассудок? Вампиров с поехавшей крышей хватает. Юсупов и сам может пересказать десяток-другой историй о том, как очередной дворянин не выдержал бремени бессмертной стези — и тью-тью. Но обычно

(обычно?) этому предшествовало трагическое событие, коих на долгую жизнь вампира выпадает куда больше, чем у заурядного человека. А может психика Юсупова перестала справляться с количеством стресса? Может у вампиров есть рубеж, после которого либо на покой, либо сумасшествие? Неспроста же Дмитрий играл в отшельника.

И чем он кончил?

Юсупов мысленно захлопнул дверь, откуда прозвучал голос брата. Нет, этого допускать нельзя. Никак нельзя.

В панических измышлениях князь доехал до дома на Петроградке, как вдруг его осенило. На последних секундах светофора резко крутанул руль и направился в восточную часть города. Приказал голосовому ассистенту набрать абонента, который, кажется, еще со времен пейджеров, не менял номер. Только бы застать на месте. А когда на том конце провода прозвучало приветственное «а давненько вас не видно, не слышно», прямо-таки отлегло. В груди потеплело в предвкушении сытного обеда в компании старого приятеля, с хорошим коньяком в чашке черного кофе.

Глава 5. Скелет из шкафа выпал

— А я уж, грешным делом, решил, не забыли ли вы старого друга? — сказал граф Светляков, раскрывая объятия. — Скорее с повторным визитом явится Спаситель, чем вы, князь.

Обнялись, похлопали друг друга по спине и плечам. Светляков все приговаривал «рад, как я рад, друг мой». А Юсупов ему вторил «что поделать? Ритм большого города вынуждает».

— Надеюсь, бывшие привычки не забылись? — спросил Светляков с прищуром матерого кота.

— Если однажды лишусь головы, напоследок потребую глоток вашего коньяка, — с улыбкой ответил князь.

— Такой фатализм вам не по чину. Никак случилось что?

— Вы как всегда проницательны, Павел Сергеевич.

Сколько Юсупов помнит Светлякова, свыше полутора сотен лет, тот не меняется даже на грамм. Все то же доброе морщинистое лицо, выразительные зеленые глаза, крупный породистый нос, неизменная приятная улыбка и лысина, которую граф никогда не стыдился. И пусть им не довелось съесть пресловутый пуд соли, но характерами сошлись с первой минуты. Кажется, Светляков бывал во всех странах мира, коих приумножается каждое десятилетие. Даже лед Антарктиды умудрился потоптать. Но больше всего его душа

тяготеет к Монако, Петербургу и, как ни удивительно, Буркина-Фасо. В последнем он оказался невольным участником очередного госпереворота и, как следствие, почетным гражданином, которому всегда рады.

Еще при царях они заимели негласную традицию собираться для душевных бесед до рассвета, непременно с коньяком и черным кофе. Во время подобных встреч столько было рассказано секретов и откровений, что безопаснее до конца дней оставаться друзьями. Юсупов не знал своего отца, как бы ни искал. А Светляков — представитель первого поколения вампиров, который никогда не стремился заменить тому родича. Но так уж вышло, что именно ему Юсупов выкладывает все как на духу и всегда получает мудрые советы.

Разместились в ресторане при бизнес-центре на Синопской набережной. На фасаде здания красуются бюсты военачальников одноименного сражения. Интерьеры в стиле тихой роскоши с мягкой обивкой сидений, льняными оттенками и вечнозелеными растениями, что ненавязчиво зонзируют пространство.

Начали со сливочной ухи с лососем и палтусом. Продолжили жареной в печи уткой с соусом из портвейна и черной смородины. Ее подали с сочным штруделем из капусты и яблок. Светляков остался верным бефстроганову из телятины. На томленую оленину с вешенками и полбой Юсупов лишь пооблизывался, ибо желудок пока бунтует после длительной болезни. Зато лисички и соленые грузди со сметаной

послужили отличной закуской такому же отличному коньяку. Граф еще навяливал каре барашка, но условились опробовать уже на Старый Новый год. А там может и собраться на собственной ферме, где по особым двухвековым рецептам поспевают домашний сыр.

Чокнулись, выпили за сыр, за барашка, за вышеупомянутых военачальников и Крымскую войну, будь она неладна. За прекрасных дам, которых обязательно пригласят на дегустацию сыра. За Новый год и Рождество, за встречу и за империю, светлая ей память. В общем, обед плавно перетек в ужин. А когда подали черный кофе, неизменный десерт «Павлова» и третью бутылку коньяка, новости были пересказаны, воспоминания разблокированы, а всякие недоумки посланы куда подальше.

— Покайтесь, князь, отворите душу, отчего вы со своей головой не дружны, раз уже готовы ее лишиться? — мягко спросил Светляков.

Юсупов растекся на диване и вздохнул:

— Столько лет дружим, а не перестаю дивиться вашей проницательности. И как вам удастся заглядывать туда, куда есть доступ лишь хирургам в кабинете МРТ?

— Полноте, князь, у вас же на лице все написано, — хохотнул Светляков и глотнул кофе.

— И что же вы на нем видите?

— Синдбад заскучал, хе-хе.

— А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть

покой.

— Ууух, ну все, — махнул на него Светляков. — Если взялись цитировать классика, пора... пора вам.

— На покой?

— Покой вам только снится, друг мой. Влюбиться, князь, пора вам влюбиться. По-настоящему, слышите? Тогда и душа запоет, и голова на место встанет. В вашем случае влюбленность работает от обратного — вместо безумств обрете-ете ясность.

— Я влюблен в эту жизнь.

— Ох, скажете тоже, — снова хохотнул Светляков. — Вы способны влюбиться либо в самую неприступную женщину, либо в недостижимую мечту, что сродни друг другу. В подобных женщинах сейчас недостатка нет, так что же вы медлите, будто студиязус на экзамене? В чем ваша драма?

Юсупов снова вздохнул, выдержал театральную паузу и ответил:

— Моя драма в том, что я... за-бо-лел. Можете себе представить?

— Кто угодно, но не вы, хех.

— А вы не смейтесь, Павел Сергеевич. Намедни я страдал горячкой, аллергией и, простите за откровенность, несварением.

— Что же у вас запасы крови иссякли? — искренне удивился Светляков.

— Совсем наоборот. Запасов предостаточно. Да только не

могу я больше пить кровь, понимаете? Ни глоточка. Отдает душком.

— Не понимаю.

— Вот и я не понимаю... А еще мне сон приснился. Да не один. Боюсь, как бы не истончилась грань между сном и явью.

Взгляд Светлякова посерьезнел. Брови сдвинулись.

— И кто сей гость, что является во снах и наводит морок наяву?

Юсупова холодным потом прошибло. Нет же у графа способности читать мысли. Ведь нет?

— Вы знаете, князь, по части морока мне нет равных. Однако я волен лишь отводить глаза, но разгонять наваждение... — Светляков мотнул головой, — только добрым словом и рюмкой коньяка.

На этом оба опустошили чашки с кофейно-коньячным напитком и вперились друг в друга глазами. Граф сложил ладони друг на друга и спросил:

— Так кто он — ваш гость из зазеркалья?

— Мой брат.

— Фух, — с облегчением вздохнул граф, — тогда не все так страшно.

— Вы так считаете?

— Ваш брат давно почил, простите за бестактность, по вашей инициативе. Оттого его образ — лишь отображение чувства, которого вы избегаете, сколько мы знакомы. Вины.

Чувство вины вас терзает, князь.

— Мой брат почил три года назад. Отчего ж его фантом явился лишь сейчас?

— Наконец-то вы задаете верные вопросы.

Голубки вернулись из свадебного путешествия. Первым делом Серафима устроила бомбардировку фото и видеосообщениями. Затем пошла тяжелая артиллерия — аудиозаписи по пятнадцать-семнадцать минут каждое. И пока Софья прослушивала вторую, та не выдержала и позвонила. Напросилась на скорейшую встречу.

— А может к нам с ночевой? — с бурлящим энтузиазмом в голосе спросила подруга.

— Фима, тащиться в Колпино в одиннадцатом часу ночи? Уволь, — простонала Софья в трубку. — Проспись, хотя бы. Завтра пересечемся в центре, да поболтаем.

— Так я же не усну! С этими перелетами у меня жуткий джетлаг. У нас рейс задерживали. Дважды!

— Тем более проспись. А то вырубишься прямо в тарелке с карбонарой.

— Не, карбонару я теперь не ем, — ответила Серафима, чем-то шурша на заднем плане. — В Италии попробовала настоящую пасту. Не сравнится с отечественным аналогом.

— Ну кто б спорил, — зевая, ответила Софья.

— Соня, а на каток пойдем? У Брусницыных? Ну тот, ко-

торый светится.

Софья вздохнула, будто на грудь упал шкаф с книгами. Подруга все правильно поняла и сбавила обороты. Условились встретиться завтра у метро Василеостровская, а там решить, где поесть и куда направить стопы.

— И вместо сумки бери вместительный рюкзак, — командовала Серафима. — Я тебе кучу подарков привезла!

Не соврала ведь! Все эти хрустящие пакеты, коробочки, сувенирчики, флакончики и сладости раздули рюкзак до размера бегемота. Весит он примерно столько же. Пока обедали в индийском ресторане, отсмотрели терабайты фото и видео. Потом отправились на каток, хоть Софья и упиралась как могла. А когда добрались квартала «Брусницын», узнали, что тот забронирован аж до восьми вечера. Новогодние корпоративы один за другим. Не успела Софья выдохнуть, как Серафима упрямо повела в соседний Севкабель Порт. Там пришлось ждать сеанса почти сорок минут, за которые поток рассказов не иссякал и не иссякал.

Подруга вздохнула поведала про безумный галоп по рождественской Европе: как с новоявленным супругом мерзли под колючим неоготическим величием Миланского собора, цедили обжигающий пунш на площадях Вены и до одурения спорили о вкусе аутентичной пасты в уютных trattoriaх Рима. Описала бесконечные витрины бутиков, тонущие в неоновом сиянии праздничной иллюминации, тусклый блеск старинных мостовых, усыпанных конфетти и таю-

щим снегом. Игорь, по ее словам, безропотно отщелкал тысячи кадров на фоне Колизея и Эйфелевой башни, хотя под конец поездки его лицо все больше приобретало выражение великомученика.

Потом пожаловалась на массовые отмены и переносы рейсов. На границах беспокойно. Подгоняют военную технику. СМИ как обычно нагоняют шумиху, что случится большой барабум. Конспирологи подхватили, талдычат о пророчества Ванги и особых архивах Ватикана, где хранятся самые точные-преточные сведения о грядущей Третьей мировой.

Такие новости сбили новогодний настрой. Решили сменить тему. Софья поведала о приезде мамы, о новых рекордах в 25 000 шагов за день, опробованных видах кофе и поездках, ближних и дальних. Про Юсупова умолчала, но разве ж подругу обманешь? Осторожничая, поведала о новогодней ночи, совместных *семейных* ужинах и прогулках.

— Ты мне честно скажи, как тетя Галя на него отреагировала? — перебила Серафима. — Они нашли общий язык?

— Ну а ты сама как думаешь? — ответила Софья, с облегчением снимая коньки. — Завалил подарками, вылил водопад комплиментов, выслушал обо всех ее интересах. Спелись за десять минут.

— Проверку на вшивость прошел? Ха-ха! Слушай, а кто его родители? Ты с ними знакома?

Этот вопрос ввел Софью в ступор. О родословной Юсупова известно многое, но не в традиционном смысле. Да и

не обговаривали они с князем, что отвечать в таком случае. С его отцом довелось познакомиться в крайне нетривиальных обстоятельствах. Софья до сих пор не создалась, сама не зная почему. А мать... А кто мать Юсупова?

— По-моему, его родители в разводе, — на ходу начала придумывать Софья. — Кажется, оба живут в Европе или нет. Я не интересовалась.

— Не интересовалась? — вскинулась Серафима. — Ну неуживительно, почему у вас все так.

— Так?

— Ага, так.

Софья уставилась на подругу непонимающим взглядом, пока та наматывала меховой снуд на копну кудрей.

— Это база, Соня! — наконец ответила та. — Хочешь знать о своем мужчине все — познакомься с его родителями. Там по воспитанию и по модели отношений станет понятно, какой из него муж.

— Я и без этого тебе отвечу. Никакой, — проворчала Софья. — И он не мой мужчина.

— Ну-ну, а чей же?

Чтобы закончить дурацкий спор, Софья первой вышла на свежий воздух. Придержала дверь, впуская молодую маму с дочкой. Услышала протяжное «оооо!» и набор громких междометий. Серафима обнялась с той, в ком Софья определила статус мамы. Затем помахала дочке, на вид лет десяти. Та скуксилась от напора Серафимы и сдержанно поздоровалась.

— Кто это? — спросила Софья, когда подруга вышла следом.

— А ты не узнала? Это же Аня. Ну таролог, у которой я курс проходила.

— Ааа...

Софье не только довелось познакомиться с сей особой, но и видеть воочию ее работу, если можно так назвать. Она до сих пор не понимает, как за подобную чушь — гадание на картах — можно брать деньги. Да еще обучать столь сомнительной премудрости. Но хуже всего — Юсупов в этой гадалке души не чает. И зовет ее на французский манер — Аннет. Пусть между ними бурлит такая химия, какую ни в одном турецком сериале не увидишь, но Софья не доверяет ни питерской Сибилле, ни ее третьему глазу, ни княжеской влюбленности в нее. Они оба не в себе — вот и сошлись.

— Слушай, а сейчас же святки! — снова завелась Серафима. — Может погадаем?

— Фима, ты уже замужем. А мне суженый ни в одно место не уперся, — ответила Софья.

Но подруга уже включилась. За минуту составила план-ураган, как они сейчас купят всякой гадательно-ритуальной всячины. Ну там свечки, карты, руны и тонну вкусняшек. Потом отправятся к Софье и напроорочат себе лучшую жизнь, мужицкий дождь или хотя бы кучу бабла.

— Скажите, что вы не всерьез? — взмолился Юсупов, не веря в то, что слышит.

— Отнюдь, друг мой. Похороните прошлое с почестями, а не стройте мавзолеей, — ответил Светляков.

Докатились, называется.

У Павла Сергеевича из вампирских особенностей — наводить морок, отводить глаза. А по числу прочих — мягко убеждать, обходя острые углы. Юсупов не раз являлся свидетелем бесед на повышенных тонах, которые грозились перейти в статус смертоубийственных. Однако ж увещевания Светлякова безотказно действовали на спорщиков любых сословий, характеров и накала страстей. Сколько драк, дуэлей и, не сомневайтесь, войн не состоялось благодаря поразительному навыку графа подбирать нужные слова.

И вот сейчас, после пяти часов разговора, когда князь сознался во всех злостных деяниях, нехоти пробудившихся человеческих слабостях, единственное решение, которое выдает Павел Сергеевич — отыскать голову Николая и устроить похороны.

Юсупов, действительно, собственноручно ее снес и доставил Изабелле Давыдовне, чтобы искупить весь тот бардак, что натворил брат. Тело его сожжено в загородном недострое. А голова?

— Вы ведь знаете, где искать? — спросил Павел Сергеевич.

Один вопрос паршивее другого. Мысль о братоубийстве

Юсупову была противна, однако же он сделал то, что сделал. Злился на себя, заливал непроглядный хаос чувств крепленными напитками. Да какой там?.. Время немного притупило макабрические воспоминания. И вот три года спустя вместе с необъяснимым очеловечиванием вывалился скелет из шкафа. Князь ясно видит, не придержи он дверцу — оттуда посыплется лавина останков, коих хватит на повторное заполнение катакомб Парижа. Он однажды уже переживал смерть Николая (идиотская дуэль!), затем его воскрешение (и обращение), калейдоскоп попыток наладить хоть какую-то связь — и к чему это привело? К тому что князь Феликс Юсупов граф Сумароков-Эльстон остался последним и единственным в своем роду. Так что нет, это далеко не прозаичное чувство вины...

С того дня, как все случилось, Его Светлости не довелось поинтересоваться, а куда, собственно, Изабелла Давыдовна водружает вампирские артефакты. Для чего — и так понятно. Он тридцать лет знал эту женщину, и как ей нелегко достался статус владычицы клана. Хлипкий баланс между охотниками и вампирами ей удавалось сдерживать не только переговорами, но и за счет таких вот безапелляционных решений. Но опустим это...

Что-то не припоминается доски почета с вампирскими черепами ни в «Качалке», ни... А где? Не у себя же дома она хранила жуткие трофеи.

Юсупов потер лоб и не нашелся с ответом. Откинулся на

диванчике и спросил:

— Думаете, это сработает? Заимеет нужный эффект?

— Вы за кого меня принимаете, князь? — хмыкнул Светляков. — Я же не вокзальная гадалка, чтобы пророчить будущее. Я лишь озвучил решение, которое вы упорно не желаете видеть. Символического прощания с усопшим братом не было. Болезненный выбор горечью осел в вашей душе и голове. Проще говоря, вы себя не простили, пусть и действовали из благородных побуждений. А потому *возможно* похороны послужат ритуалом прощания не только с братом, но и с тем Юсуповым, каким вы были раньше.

Юсупов сглотнул комок в горле. Отчего-то пахнуло тухлятиной. Десерт «Павлова» остался нетронутым.

— Так вы знаете, где искать? — повторил Светляков.

— Я знаю, с чего начать поиски. А это уже половина дела.

Светляков плеснул остатки коньяка по стопкам и приподнял для тоста:

— Ну тогда помянем.

— Помянем.

Выпили, не чокаясь. И только сейчас Юсупов сообразил, что даже не поминал брата. Своих давно почивших жен, не совсем-отца и Изабеллу Давыдовну поминал, но Николая — никогда.

В ноябре. Это случилось три года назад в ноябре...

Несмотря на обильное количество выпитого, Юсупов вел машину абсолютно трезвым. Будто весь алкоголь выветрился одномоментно после прощания со Светляковым. Вроде и в голове прояснилось, и на душе полегчало, но новая задача как назойливый клоп кусает и носится на подкорке.

С чего он взял, что голова вообще существует? Может и не хранила владычица клана никакие артефакты. Так... чисто символически проявила характер и проверила Юсупова на верность слову. А что там до головы, и дела не было. Может ее и вовсе выбросили сразу на помойку.

Но хоть тресни, не может Юсупов представить голову брата где-то в канаве. Полусгнивший обрубок среди рванья, тухлятины и грязи. Фантазия выдала совсем уж мерзкую картину, как помойные крысы рвут лицо брата на лоскуты, выгрызают нос и глазницы, залезают в уши. Замутило.

Едва переступив порог квартиры, прямо в обуви помчался в ванную и изрыгнул половину съеденного за обед-ужин. Долго полоскал рот и отхаркивался. Но кислый привкус тухлятины не исчез. Контрастный душ освежил снаружи, но не внутри. Тело по-прежнему бунтует — тянет живот от спазмов, першит в горле. Да и в целом ощущение, будто не блевал над унитазом, а вагоны с щебнем разгружал. Минимум трое суток.

Завернувшись в халат Юсупов доплелся до кровати. Прилег с мыслью расслабиться на пару минут, а затем поизучать аптечное меню на наличие препаратов для лечения всех

недугов на свете.

— Говорят, топор помогает, — сказал Николай. — Или бензопила.

Он развалился на стуле с гнутой спинкой и разглядывает ногти с видом утонченного эстета. Тусклый свет прикроватной лампы заострил черты лица. Тени подчеркнули линию скул и бровей.

— Может слышал о самой нелепой смерти из книги рекордов Гиннеса? — спросил он.

— Уходи, — процедил сквозь зубы Юсупов.

Как назло, тело парализовало. Язык к нёбу присох. А веки свинцом налились.

— Где-то в далекой Америке собралась компания друзей, как у них это именуется, на барбекю, — начал рассказывать Николай, будто байку у костра. — Зашел у них спор, как обычно бывает в мужском сообществе, кто быстрее, ловчее, но только не умнее. Брали друг друга на слабо. Вот один из них отличился — на спор снес себе голову бензопилой. И ведь добился своего — занял лидирующую позицию в списке бестолковых смертей. Ха-ха!

Он развернул стул и сел на него верхом. Уставился своими ореховыми глазами сквозь полумрак.

— А его друзья просто стояли и смотрели, как он отпиливает себе голову. Ха-ха! Уму непостижимо... — в голосе Николая зазвенели ледяные нотки. — Совсем как ты. Ты тоже просто стоял и смотрел, как моя голова отлетает от тела и катится к твоим ногам.

Он в наигранном испуге прижал ладонь к губам и округлил глаза.

— Ой, прости, тебя тошнит?.. Ха-ха, я больше не буду.

В следующий миг голова Николая с хрустом отделилась от тела, взмыла в воздух и нависла перед лицом Юсупова. В темных глазницах копошатся личинки. Нос провалился. Кожа лоскутами слезает с черепа. Губы сгнили, оголив черные обломки зубов. Вонь со страшной силой вгрызлась в ноздри. Бурая слизь стекает прямо в рот. Отвернуться бы, пошевелить хотя бы пальцем. Но каждый сантиметр тела будто гвоздями приколочен.

Из заплесневелого рта высунулся длинный язык и раздался тот самый замогильный смех.

— Таким ты меня хочешь видеть, братец? — зашипела голова. — Я уже говорил, что никуда не уйду.

Мы с тобой связаны навеки.

— Ух-ходи, — просипел Юсупов.

Замогильный хохот заполнил всю комнату, отозвался разрядом боли в каждой клеточке мозга. Во рту растекается знакомый металлический привкус.

— Ты похоронишь меня только вместе с собой, — сказал Николай. — КРОВЬ ЗА КРОВЬ!

Б-ззз, б-ззз.

Вибрация телефона еще никогда не звучала такой спасительной.

Юсупов вскинулся и огляделся. Никого. Ну разумеется, в спальне никого. Пошевелил языком — в забытьи прикусил до крови. Покопался на экран телефона. Сообщение от Софи:

«Серафима зовет на совместный ужин послезавтра. Пойдешь?»

Не утруждая себя ответом, князь направился в кухню. Запил горсть каких-то пилюль остатками ряженки. И долго пялился в одну точку, размышляя, как все хреново складывается. Сумасшествие и человеческие недуги прогрессируют. Нужно срочно их изгонять, как прилипчивых бесов... Не хватало еще сойти за одержимого или шизофреника.

Выбирая между физическим и психическим здоровьем,

князь остановился на последнем. Ибо без него не будет и первого. Отыскать голову брата, похоронить со всеми почестями — лишь бы отпустило, а сам образ Николая наконец растворится в небытие. С насморком и несварением потом разберется.

Часы показывают половину десятого вечера. Звонить в такое время малознакомому человеку не к чести. Но фантомный Николай доказал настырностью, что откладывать некуда. Юсупов поискал нужный номер и нажал «Вызов». Бесцветный мужской голос ответил после второго гудка:

— Чем обязан такому скорому звонку?

— Прошу прощения за поздний разговор, но он не терпит отлагательств, — сказал Юсупов. — Что вы знаете о хранилище артефактов Изабеллы Давыдовны?

Повисла пауза. Ввиду чего — замешательства? Опасения? Удивления?

— Не уверен, что понимаю вас, — ответил собеседник.

— Не лукавьте, Никита. Изабелла Давыдовна натаскивала вас не один год. Проинструктировала не только по части управления кланом, но и всем, что к нему прилагается. Посвятила в такие секреты, куда даже мне, чего спорить, ее любимчику, доступ закрыт. Иначе, на вашем месте был бы я. Так что не кривите душой. Вы явно осведомлены куда больше, чем демонстрируете.

Видимо, новый глава клана смекнул, что сказать правду эффективнее, чем отбrehиваться.

— Вас что-то конкретное интересует?

— Голова моего брата. В каком бы виде она ни существовала.

Хотелось добавить «просите взамен что хотите», но прикусил язык. Решено ведь — не якшаться больше с охотниками ни при каких условиях. Если новый глава клана окажется достаточно умным, не станет торговаться. А если недостаточно... мы пойдем другим путем.

— Я наведу справки и позвоню через пару дней, — ответил Никита.

На том и попрощались.

Радоваться такой удаче рано. Жизнь научила — на любом этапе сделки что-то может пойти не так.

Юсупов откинулся в плетеном кресле на балконе. Покопался в пачку сигарет — ту самую заначку с прошлого лета. Провалилась за спинкой, никто и не надумал доставать. Распаковал, подхватил сигарету зубами, прислушиваясь к ощущениям. Искушать судьбу не стал. Просто подержал во рту, перекатывая туда-сюда. Вроде ничего — ни тошноты, ни фантомных запахов. Вернул сигарету в пачку и уставился на зимний городской пейзаж. Еще долго краем глаза в тених выискивал призрак Николая.

Глава 6. Покойся с миром, брат

Как же трудно строить планы на годы вперед, когда живешь... на планете Земля. В самом деле, есть на ней хоть кусочек для спокойного и предсказуемого существования? Может в Папуа-Новой Гвинее? Кто-нибудь слышал тревожные новости оттуда? А что скажете насчет Новой Зеландии или островного государства Кирибати?

Еще вчера жизнь шла своим чередом. Софья с Серафимой развлекались гаданием по литью воска, нудной практикой и-цзин с подкидыванием монетки и чередованием черточек. Наварили глинтвейна, наелись роллов, ко сну отходили с чувством полного удовлетворения и даже счастья.

Утро началось не с кофе, а с неуправляемого потока новостей. На границах соседних государств начались вооруженные конфликты, полетели «петарды», а политики с трибун международной арены начали грозить эмбарго, изъятием активов и прочая, и прочая. Буквально все население планеты проснулось в другом мире. Ну разве что, кроме жителей Папуа-Новой Гвинеи, Новой Зеландии и Кирибати.

В первые пару часов подруги тупо скролили ленту новостей, с трудом отделяя фейки и тупую конспирологию. Вот тебе и новый мир с информационными войнами. Как журналист и профессиональный блогер Софья смекнула, что работать как раньше уже не выйдет. Ну какие, на фиг, подка-

сты с творческими и интеллектуальными персонами? Какой, на фиг, заработок за счет рекламной интеграции и обучения блогингу, когда простой люд уже побежал скупать гречку, соль и макароны?

Хотя и невежд хватает, которые наивно полагают, что все это — провокация, увод внимания (от чего и в какую сторону, блин?). И вообще, президенты письками померятся да разойдутся. А лучше бы и вовсе вышли один на один, чем прикрываться армиями...

Но Софья знает, как все непросто. Вооруженные конфликты не возникают сами по себе. Первые лица государств — марионетки, которыми управляет та самая теневая элита. Нет, не рептилоиды и не инопланетяне, а вампиры. Дворяне, которые столетиями делят ресурсы. Да не просто кэш в виде миллионов, а капиталы государств и людские ресурсы.

Некий энтузиаст несколько лет назад вычислил, что все активы мира разделены сотней семейств. Тех самых династий с громкими фамилиями, которые вы точно слышали. В эпоху Российской империи были Романовы, Юсуповы, Шуваловы, Нарышкины, Строгановы, Голицыны и иже с ними. Ну а на западе — Рокфеллеры, Ротшильды, Морганы, Валленберги, Дюпоны и тэ дэ. Эти кланы пережили империи, войны и революции, сохранив контроль над капиталами. Думаете, просто так?

Юсупов не раз вскользь упоминал, что миром правят теневые структуры. Те самые, которые чудесным образом не

стареют или имеют наследников, что порой как две капли воды похожи на своих именитых дедов-прадедов. Совпадение?

Хотелось позвонить Его Вампиршеству — может скажет чего путного? А с другой стороны, кто ж его посвятит в мировые процессы? Да и сам Юсупов не особо распространяется о своих интересах к политике или власти. Будьте уверены, капиталов у него хватает, руки пожимает очень и очень влиятельным дядям-тетям. Но за три года тесного общения с Софьей он ни словом не обмолвился об участии в подобных политических эксцессах. Даже будто избегает этого, предпочитая мирские удовольствия и развлечения навроде выпуска журнала «Петербургский сноб». Хотя было время, когда Юсуповы были на передовой. Однажды организовали роскошный бал, на котором решались вопросы международного масштаба. Конкретно — продление «договора перестраховки» между Россией и Германией. Кайзер Вильгельм Второй пытался очаровать Александра Третьего и укрепить союз, чтобы не допустить сближения России с Францией.

В своих мемуарах князь понтовался, что именно в домашней, неофициальной обстановке их дворца решались судьбы Европы. Александр Третий намеренно выбрал дом Юсуповых, чтобы подчеркнуть богатство и независимость русской аристократии перед «выскочкой» Вильгельмом.

А может Софья ни черта не знает Юсупова? Может он и по сей день прикладывает руку к мировой политике? Ну тогда он точно не возился бы с такой назойливой журналист-

кой, мелкой сошкой, которую и не увидеть с высоты политического олимпа. Имел бы окружение исключительных и влиятельных персон... А разве это не так? Что вообще Софья знает о жизни Юсупова, помимо его вампиризма, натянутых отношений с охотниками и любовью к Родине? Может и неспроста он отмахивается от ее вопросов, отшучивается, уваливает, придумывает ответы на ходу и банально пудрит мозги? О теновом влиянии династий неслучайно мало кто знает. Живут они себе в своих богатых особняках, островах. Питаются, чем бог послал. Ездят на скромных роллс-ройсах и электромобилях самых свежих моделей. Простой человек глянет на таких богачей, пожмет плечами и подумает — ну, очередной чиновник или бизнесмен экстра-класса.

В таких размышлениях и фоновой тревоге Софья распросалась с Серафимой. Походила из угла в угол, наводя уборку. А потом все же не стерпела и набрала номер князя. Однако гудки все тянулись и тянулись без ответа. Вот потеха будет, если Юсупов и правда причастен к мировому управлению. Вспомнив, насколько эта фамилия по сей день вызывает споры у нас и за рубежом, стало не до смеха.

Телефон в кармане пальто настырно вибрирует шестой раз подряд. Тут и гадать не нужно, какая женщина отличается завидным упорством. Но отвлекаться недосуг.

Юсупова разбудил звонок нынешнего главы клана охот-

ников. Прозвучало короткое:

— Я нашел то, что вам нужно. Приезжайте к двенадцати. Адрес пришлю сообщением.

Тук. Тук-тук. Тук.

По телу прошлась сначала огненная волна, а затем ледяная. В висках застучало, лоб покрылся испариной. Даже руки затряслись, из-за чего Юсупов дважды порезался во время бритья. Домчал аккуратно за пять минут до назначенного времени.

Пейзаж, конечно, самый тривиальный. Гаражный кооператив в индастриал районе на юге города. Это когда едешь-едешь по шоссе, видишь серые коробки зданий местных предприятий по изготовлению табака, химикатов или удобрений. Следом попадают базы для переработки металлолома. А по соседству вот такие полузаброшенные гаражные кооперативы. Здесь хранят не только авто/ мототехнику, но и плавсредства — яхты, катера, лодки.

Сегодня тот редкий случай, когда на небе ни облачка. Снег покрыт ледовой коркой, что хрустит под ногами как яичная скорлупа. Морозный воздух приятно остужает голову, которая с вышеобозначенного звонка так и гудит. Юсупов припарковался на оттаявшем пятаке у случайного гаража. Выбрался из машины, застегнул пальто и медленно выдохнул.

За спиной осталась шумная объездная дорога, хаотичные звуки производств. Тук. Тук-тук. Тук.

Вдоль глухих стен сиротливо доживают век дырявые остовы старых «Жигулей», чьи пустые глазницы, как черные дыры, заглатывают холодный январский свет. Железные бочки, подернутые рыхлой чешуей ржавчины, и горы металла, что годами ждут своего часа. Поодаль распахнута ворота гаража, откуда доносится не то ритмичная музыка (Тук. Тук-тук. Тук), не то звуки радио. Рядом выдавший виды, но надежный пикап. Таким только грязь месить да болота мерить.

Пока Юсупов делал последние шаги до гаража, воображение на миллион раз нарисовало самые жуткие и нелепые картины. То голова Николая выглядит как сдувшийся волейбольный мяч с синюшностями под глазами и возле рта. Искривленные губы, конечно же, раздвигаются в улыбке, и звучит замогильный хохот. То фантазия выдала голый череп с острыми клыками и отчего-то короткими рожками на лбу. А то и вовсе Никита пригласил князя в такое богом забытое место, чтобы пополнить коллекцию артефактов новой вампирской головой.

Как же хочется курить. Или блевануть прямо тут же на ржавую бочку. Проклятый комок в горле отказывается проталкиваться дальше по пищеводу. Хорошо, что князь не завтракал. Не то продемонстрировал бы охотнику свой богатый рацион.

Из-за воротины показалась фигура в темно-зеленой толстовке с капюшоном, накинутым на голову, и утепленных ватных штанах. Никита сразу заметил гостя, поздоровался и

открыл дверцу пикапа. Пошуршал в подлокотнике и выудил пачку сигарет. Предложил Юсупову, а получив отказ, закурил. Выпустил сизый дым и сказал:

— Вы меня озадачили. Не то мне вам сочувствовать, не то бояться. Снести голову своему брату и принести ее в качестве платы... нужно быть или отчаянным, или безжалостным.

— Я давно принял свои теневые стороны. Потому от случая к случаю способен быть и отчаянным, и безжалостным, — ответил Юсупов, изо всех сил стараясь, чтобы голос не подвел.

Никита сделал еще одну затяжку и указал в сторону гаража с коротким «прошу». Юсупов пригнулся, перешагивая порог. В помещении чисто. Пахнет солидолом и пылью. На полках пара мотошлемов, стандартный набор инструментов и всех видов отверток, банки с краской и смазками, несколько тряпок, бутылка воды, вскрытая пачка печенья «рыбки», миниколонка с музыкой. У дальней стены снегоход накрыт чехлом. Сбоку на верстаке темно-синий пластиковый еврокуб размером со старый телевизор. Откидная крышка держится на зажимах как у бытовой канистры.

Тело парализовало. Ноги отказываются сдвигаться даже на сантиметр. Вдоль позвоночника будто лом воткнули. Дыхание перехватило. Три года прошло с той проклятой ночи, когда очередная попытка договориться закончилась трагедией.

Никита зашуршал ботинками, прислонился к стене у входа и сказал:

— Проверять будете?

Смысл сказанного не сразу дошел до нужного отдела мозга. Реальность поплыла перед глазами. Юсупов собрал остатки самообладания и заставил сделать шаг к верстаку, затем еще один. Как сквозь толщу масла занес руки над крышкой, щелкнул зажимами и замер. Что он увидит? Сгнившую кочерыжку в спиртово-гнилостной жиже? Голый череп, укрытый ватой? Или вовсе оттуда, подобно джину, выскочит призрак Николая и сведет с ума своим смехом?

Крышка послушно откинулась. Юсупов ожидал резкого запаха гнили или формалина. Но то ли обоняние отключилось вместе со способностью считывать эмоции (как ее не хватает, черт возьми!), то ли запаха и правда нет. Глазам предстала голова брата в прозрачной жидкости, совершенно свежая, будто прямо сейчас откроет глаза или рот и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.